

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2023 – № 1

Выпуск 45



LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 1 (выпуск 45)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатов** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажибаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета; д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБит СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джануа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугункова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2312-6337

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2023 – No. 1 (Issue 45)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2023. – No. 1 (Issue 45)
Founded in 1995, the Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkina**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovarov**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of the Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

Прокопьева П. Е., Уртегешев Н. С. (Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Благовещенск, Амурский государственный университет; Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Изменение юкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка) 7–25

Синтаксис

Озолия Л. В. (Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика 26–38

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

Соловар В. Н. (Ханты-Мансийск, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок)

Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях 39–48

Ямаева Е. Е. (Горно-Алтайск, независимый исследователь)

Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе: К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания (на материале эпоса «Кан-Тьелбекей» Е. К. Таштамышевой) 49–57

Миндибекова В. В. (Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Жанр *алгас* в обрядовой поэзии хакасов: функциональный аспект 58–66

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

Prokopeva P. E., Urtegeshev N. S. (*Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Blagoveshchensk, Amur State University; Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony
(using the example of the Odul language) 7–25

Syntax

Ozolinya L. V. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics 26–38

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

Solovar V. N. (*Khanty-Mansiysk, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development*)

Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends 39–48

Yamaeva E. E. (*Gorno-Altai, Independent Researcher*)

A hero with a “head of a dog and a body of a fish” in the Altai heroic epic:
On the formation of the mythological basis for an epic legend (based on the
epic “Kan-T’elbekey” by E. K. Tashtamysheva) 49–57

Mindibekova V. V. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Algas genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect 58–66

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК: 81'342.41

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

Изменение юкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка)

П. Е. Прокопьева¹, Н. С. Уртегешев^{2,3}

¹ *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

² *Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия*

³ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализ работ исследователей, зафиксировавших разные этапы развития одульского языка, а также собственного языкового материала позволил выявить естественный фонетический процесс трансформации юкагирской фонемы /h/. В разных одульских идиомах он проходил по-разному, но однозначно реконструируются две цепочки развития: 1) [h] → [hs"] → [s"], 2) [h] → [hʃ"] → [ʃ"]. Этот факт отражает, вероятно, существовавшие языковые различия, присущие разным группам юкагиров. В результате объединения юкагирских родов происходило смешивание артикуляционных традиций, которые на первоначальном этапе существовали параллельно, не препятствуя передаче информации, затем началось выстраивание новой системы, где стали выделяться в самостоятельные фонемы аффриката [hɕ] и щелевые [s"] и [ʃ"], но при этом /s"/ и /ʃ"/ остались междикторскими вариантами произношения.

Ключевые слова

юкагирские языки, одульский язык, согласные, аффриката, щелевой согласный, свистящие, шипящие, среднеязычные, диахронные изменения

Благодарности

Выражаем благодарность за помощь носителям, хранителям и пропагандистам родного одульского языка – Борисовой Дарье Петровне, Деминой Любви Николаевне.

Для цитирования

Прокопьева П. Е., Уртегешев Н. С. Изменение древнеюкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 7–25. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

© П. Е. Прокопьева, Н. С. Уртегешев, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony (using the example of the Odul language)

P. E. Prokopeva¹, N. S. Urtegeshev^{2,3}

¹ *The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk*

² *Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation*

³ *Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This work examines several previous studies that documented the different stages of the Odul language development and our own language material. The analysis revealed the natural phonetic process of the Yukaghir phoneme /h/ transformation. This process was took place in different ways in different Odul tribes. However, two directions of development can be clearly distinguished: the first—[h] → [hsʰ] → [sʰ], the second—[h] → [hʃʰ] → [ʃʰ]. This fact probably indicates that not only different Yukaghir tribes but also, perhaps, clan groups, had their own inherent linguistic differences. The combination of the genera for various reasons resulted in articulatory traditions being mixed, existing in parallel at the initial stage without impeding the transmission of information. Later, the new system began to be formed, with the affricate [hsʰ] and the slit [sʰ] and [ʃʰ] becoming independent phonemes, but the /sʰ/ and /ʃʰ/ remaining interdictorial variants of pronunciation. Borrowings from the Russian language with the initial “s,” adapted and pronounced by the Odulas according to the articulatory norms of the recipient language, as well as with an interlingual tuning, even when the sound was not soft, produced a new phoneme /sʰ/ in the “sh-pronouncers,” and the expansion of the positional variation of the phoneme /sʰ/ in the “s-pronouncers.”

Keywords

Yukaghir languages, Odul language, consonants, affricate, fricative consonant, sibilant, mediolingual, changes in diachrony

Acknowledgements

We express our gratitude for the help of native speakers, keepers and propagandists of the native Odul language – Darya Petrovna Borisova, Lyubov Nikolaevna Demina.

For citation

Prokopeva P. E., Urtegeshev N. S. *Izmenenie drevneyukagirskoy fonemy /h/ v diakhronii (na primere odul'skogo yazyka)* [The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony (using the example of the Odul language)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 7–25. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

Введение

Юкагиры относятся к коренным малочисленным народам Севера Российской Федерации. Проживают в Республике Саха (Якутия), Магаданской области и Чукотском автономном округе. Согласно переписи населения 2020 г., в России насчитывалось всего 1813 юкагиров, из них 1518 – в Республике Саха (Якутия), что составляет 83,7 % от общего числа юкагиров.

Различают две локальные этнолингвистические группы юкагиров – лесные (самоназвание – *о́дул*) и тундровые (самоназвание – *ва́дул*), проживающие в Верхнеколымском и Нижнеколымском улусах Якутии.

Долгое время языки верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров называли колымским и тундренным диалектами юкагирского языка соответственно. Однако уже в 1968 г. крупный исследователь юкагирских языков Е. А. Крейнович писал, что «лексические различия между диалектами настолько далеки, что взаимное понимание их носителей почти полностью исключено» и что, «возможно, в результате дальнейших исследований придется признать их самостоятельными юкагирскими языками» [Крейнович, 1968, с. 452]. Этому же мнения придерживается юкагирский лингвист Г. Н. Курилов. На основании анализа исторических данных о юкагирских группах, образцов юкагирской лексики, сохранившейся по словарным публикациям второй половины XVIII – первой половины XIX вв., он пришел к выводу о том, что ранее существовала целая семья юкагирских языков [Курилов, 2003].

На существенную разницу между двумя юкагирскими языками указывают данные лексико-статистических исследований. В «Интерактивном атласе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» отмечается, что при использовании лексикостатистического метода пороговым значением между языком и диалектом считается 91 % лексических совпадений. Уровень совпадений между севернотюкагирским и южнотюкагирским существенно ниже: по минимальным оценкам он составляет 47 % [Немировский, 2017], по максимальным – 74 % [Коряков, 2020]. Основываясь на этом факте, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России определяет эти два идиома как разные языки [Интерактивный атлас...] ¹.

В настоящее время для обозначения юкагирских языков, помимо названий *колымский* и *тундренный диалекты юкагирского языка*, используют также такие, как *южнотюкагирский* и *севернотюкагирский языки*, *языки лесных* и *тундренных юкагиров*, *лесной* и *тундренный юкагирский язык*, *одульский* и *вадудьский языки* соответственно.

Местом компактного проживания лесных юкагиров является с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Кроме данного села, одулы проживают также в г. Якутске, в Среднеколымском улусе Якутии, в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области (географически район относится к верхней Колыме). Для представления о примерной численности лесных юкагиров приведем следующие данные: по переписи 2010 г., в Верхнеколымском улусе проживало 304 юкагира, в том числе в с. Нелемное – 185 чел., в Магаданской области – 71 юкагир. Всего: 560 человек. Однако носителей языка лесных юкагиров осталось всего 5 человек, из них 2 живут в Якутии и 3 – в Магаданской области, все они являются людьми пожилого возраста [Прокопьева, 2016].

Наряду с неблагоприятной картиной сохранности языка у юкагиров следует отметить тот факт, что юкагирские языки остаются малоисследованными, причем язык лесных юкагиров в сравнении с языком тундренных юкагиров изучен в меньшей степени.

Предложенные в свое время единые графические нормы для обоих юкагирских языков в языке лесных юкагиров окончательно не оформились, и в публикациях применяются разные алфавиты, различается написание отдельных слов [Спиридонов, Николаева, 1993; Николаева, Шалугин, 2002; Прокопьева, Прокопьева, 2013; ФЮВК, 1989; ФЮ, 2005; Прокопьева, Прокопьева, 2021; и др.]. Например, для обозначения среднеязычной свистящей фонемы /s"/, отсутствующей в языке тундренных юкагиров, одновременно с графемой *с* используют диграф *сь*.

Ввиду фонетических особенностей языка лесных юкагиров и их малой исследованности, проблема разработки орфографических норм остается чрезвычайно актуальной. Вопросы адекватной передачи на письме как согласных, так и гласных, требуют уточнения на основе специальных фонетических исследований, а для этого необходимо выявить конститутивно-дифференциальные признаки обеих фоноко-фонологических систем одульского языка.

Целью данной работы мы ставим определить артикуляционно-акустические характеристики согласных, обозначаемых графемами *ч* // *с* // *сь* в одульском языке. Тема представляет интерес в связи с тем, что: 1) зафиксировано различное написание (что в определенной степени отражает произношение ²) одних и тех же слов в разных по времени источниках; 2) при выделении в алфавите букв *с* и *сь* встречается их взаимозаменяемость на письме у одних и тех же авторов; 3) в речи некоторых носителей зарегистрировано вариативное произношение отдельных слов; 4) результаты исследования

¹ Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс].

URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 20.01.2023).

² Наличие в научных трудах по юкагирскому языку разных графем и диакритических знаков для передачи артикуляционных особенностей консонантных и вокальных настроек указывает на максимальную приближенность написания к произношению. В частности, В. И. Иохельсон в работе «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе», изданной в 1900 г. [2005], представил слова в собственной транскрипционной системе.

имеют практическое значение при издании учебной и художественной литературы на одульском языке.

Ниже представлены различия в написании рассматриваемых согласных (табл. 1). Для сравнения приведены слова одульского языка, зафиксированные в конце XIX в., в середине XX в. и в настоящее время. Выборка произведена из трудов В. И. Иохельсона [2005], проводившего экспедиционные работы у юкагиров в 1895–1897 гг., Е. А. Крейновича [1982], собиравшего языковой и фольклорный материал в 1959 г., из юкагирско-русского и русско-юкагирского словаря И. А. Николаевой и В. Г. Шалугина [2002] (в таблице – НШ), юкагирско-русского словаря П. Е. Прокопьевой и А. Е. Прокопьевой [2021] (в таблице – ПП), а также из личных материалов П. Е. Прокопьевой (в таблице – МП).

Таблица 1

Table 1

Соответствие ч // с // съ в разных источниках
Matching ch // s // s' in different sources

В. И. Иохельсон	Е. А. Крейнович	Современные материалы
<i>āčā</i> ‘олень (домашний)’	<i>a:m'ə</i> <i>a:s'ə</i> ‘олень (домашний)’	<i>aaсьэ</i> ‘олень (домашний)’ (НШ) <i>aaча</i> ‘олень (домашний)’ (МП. Инф. М. М. Лихачев, 1923 г.р.) <i>aaсьэ</i> ‘олень (домашний)’ (ПП)
<i>ārič</i> ‘плохой; плохо’	<i>эрис'</i> ‘плохой; плохо’	<i>эрись</i> ‘1. плохой; 2. плохо’ (НШ)
<i>чохочал</i> ‘под горкой; берег’		<i>чобосьо</i> ‘берег’ (НШ) <i>чобочэ / чобосьэ</i> ‘берег’ (МП. Инф. А. Е. Шадрина, 1930 г.р.) <i>чобочал / чобосьал</i> ‘берег’ (крутой, высокий) (ПП)
<i>мáймáгэч</i> ‘соскочил, подпрыгнул’	<i>мэнмэгэс'</i> ‘прыгнул’	<i>мэнмэгэсь</i> ‘подпрыгнул’ (НШ)
<i>кóбáч</i> ‘пошел, ушел, уехал’	<i>кэwэс'</i> ‘пошел, ушел, уехал’	<i>кэбэсь</i> ‘пошел, ушел, уехал’ (НШ)
<i>лочил</i> ‘огонь’	<i>лот'ил</i> ‘огонь’	<i>лосил</i> ‘огонь’ (НШ)
<i>кáчiңи</i> ‘принесли’	<i>кэт'им</i> ‘принес=он’	<i>кэсим</i> ‘принес=он’ (НШ) <i>кэчим</i> ‘принес=он’ (МП. Инф. В. Г. Шалугин, 1934 г.р.)
<i>āčīā</i> ‘отец’	<i>эс'иэ</i> ‘отец’	<i>эсиэ</i> ‘отец’ (НШ) <i>эчиэ</i> ‘отец’ (МП. Инф. В. Г. Шалугин, 1934 г.р.)

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили словоформы, словосочетания, специально записанные на диктофон от Д. П. Борисовой, 1946 г.р., и Л. Н. Деминой, 1950 г.р., изолированно, в троекратном произнесении, а также связанные тексты, собранные П. Е. Прокопьевой в начале 2000-х гг. Для анализа мы взяли слова: 1) произношение которых в современном языке лесных юкагиров обнаруживает вариативность (фиксируется на письме буквами **ч** // **с** // **сь**, например: *аасьшим* // *аасиим*³ ‘тянет’, *уксьии* // *укчии* ‘выходит’, *ансьшим* // *ансиим* ‘ищет’, *эчиэ* // *эсьиэ* // *эсиэ* ‘отец’, *ньяачэ* // *ньяасьэ* ‘лицо’, *кэчиим* // *кэсьшим* // *кэсиим* ‘принёс’, *чичкэдиэ* // *сьиськэдиэ* // *сиськэдиэ* ‘рыба-конёк’); 2) слова без вариативной фиксации, например: *чомоодьэ* ‘большой’, *чиэлгэ-йо* ‘ой, как холодно’, *йукоодьэ* ‘маленький’, *кэбэсьэ* ‘ушёл’, *иркэсь* ‘вздрогнуть’, *инжусь* ‘уснул’, *пугэсь* ‘тепло’; 3) заимствованные и адаптированные из русского языка с буквой **с** в инициальной позиции: *сьиильэньэй* // *сиилэньэй* ‘сильный’ (от русского *сила*), *сольтэк* ‘посоли’ (от русского *соль*) и *собоньи* ‘сегодня’ (от русского *сегодня*). Всего проанализировано чуть более 40 слов, из них 15 в троекратном произнесении. Следует сказать, что в исконно одульских словах в абсолютном начале слова свистящих не было (их появление связано с заимствованием из русского языка). Кроме того, в данном языке нет твердых переднеязычных свистящих, есть только переднеязычно-среднеязычные. В связи с этим было интересно посмотреть, сохраняется ли в заимствованных словах артикуляция, характерная для русских свистящих согласных, или происходит ее адаптация.

Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1. При сегментировании словоформ использовалась методика, применяемая в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН), в соответствии с которой: 1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало ее включения; 2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному: если констатируется аспирация или аффрицированность, мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность как другой; следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, составляя при этом общую длительность звука; 3) переходные участки между звуками в словоформе, если они есть, делятся пополам; 4) формантные показатели гласного фиксируются на стационарном участке; если такой участок отсутствует, то измерения проводятся в центральной части звука.

Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий.

Для достижения единообразия при квалифицировании качества гласных в ротовой полости была разработана соответствующая методика (см. табл. 2 на с. 14) [Уртегешев, 2023].

В отличие от описания гласных, выполняемого по методике, представленной в табл. 2, фонетическая запись консонантных настроек производилась в принятой в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Наделяева [Наделяев, 1960; Уртегешев и др., 2009].

В силу ряда объективных обстоятельств не было возможности провести исследование артикуляции с нашими информантами соматическими методами, поэтому при определении артикуляционных настроек мы ориентировались на личные ощущения и описания носителей языка, а также моделировали их произношение сами, уточняя правильность звучания. Кроме того, мы опирались на собственный опыт работы с информантами – носителями разных языковых семей и личный слуховой опыт.

³ Здесь и далее дано вариативное написание слов из различных источников.

Таблица 2
Table 2

**Дополнительные артикуляции гласных по положению спинки языка
в ротовой полости**
**Additional articulations of vowels according to the position
of the back of the tongue in the oral cavity**

ГОРТАННО-СВЯЗОЧНЫЕ											
1			Микширизованный (_)								
	Палатализованный (')			Нейтрализованный			Веляризованный (ˇ)				
2	7.1-7.2	7.3 ɾ	8.1 ɹ	8.2 ɻ	8.3 ɻ	9.1	9.2	9.3 ɻ			
3	3000-2600	2599-2200	2199-1800	1799-1551	1550-1301	1300-1200	1199-900	899-600			
4	с			d			е				
5	ГНО	ГО		ГНО		ГО	ГНО	ГО			
1 140-399	ɪ / е / ʏ	ʏ / ø		ɪ / е / ʏ / а		ʏ / ø / u / o		ɪ / е / ʏ	u / o		
2 400-499	ɪ / е / ʏ / а							ɪ / е / ʏ / а			
3 500-600											
4 601-799	е / ʏ / а	ø		е / ʏ / а		ø / o		е / ʏ / а	o		
5 800-900	а			а̣		о̣		а			
				е / а		o					
6 901-1200					а̣		о̣				
					а		o				

Примечание: 1-я строка – название и расположение дополнительной артикуляции; 2-я – индексы нёбного свода; 3-я – диапазоны второй форманты (F₂, Гц); 4-я – участки спинки языка (с – средний, d – межзубный, е – задний); 5-я – округление во время работы голосовых складок: ГНО (гортанно-неокругленный), ГО (гортанно-округленный); 6–11-я строки – ступени отстояния (с первой по шестую) с диапазонами первой форманты (F₁, Гц).

Результаты и обсуждение

При детальном анализе в программе Speech Analyzer 3.0.1 аудиозаписей, сделанных в разное время, в том числе и в настоящее, мы зафиксировали также другое произношение, чем графически переданное в указанных источниках выше (табл. 1). Мы столкнулись с тем, что характеристика согласных оказывается сложнее и многообразнее и не исчерпывается представленной на письме фиксацией.

В табл. 3 на с. 15–16 представлены выявленные звуки с артикуляционно-акустической характеристикой.

Таблица 3
Table 3

Сводная таблица выявленных единиц
Summary table of identified units

Позиция в слове	Звук	По акустическим данным	По нашим слуховым данным и описанию информантов	По относительной длительности
[C]V-	[<u>ħc̞˚</u>] (рис. 1 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, глухой, аспираторизированный, мягкий ⁴	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
[C]V-	[(<u>ħ</u>) <u>c̞˚</u>] (рис. 2 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой со слабым смычным компонентом, шипящий, глухой, аспираторизированный, мягкий	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
-VC ₃ [C]V-	[<u>ħc̞˚</u> _]	сложный, смычно-щелевой, шипящий, глухой, неаспираторизированный, мягкий	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, сильнонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>ħjː</u> _]	сложный, смычно-щелевой, шипящий, звонкий, неаспираторизированный, мягкий	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>ħjː</u> _] (рис. 3 на с. 22)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, звонкий с приглушенным щелевым компонентом, неаспираторизированный, мягкий	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>ħc̞˚</u>] (рис. 2 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, полувзрывной, с глухим щелевым компонентом, неаспираторизированный, мягкий	среднеязычный, твердонецый, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
[C]V-	[ʃ·"]	простой, щелевой, шипящий, неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[(ʒ" <u>f̥</u> :")_]	простой, щелевой, шипящий, начальновзрывной (краткий компонент), неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]C₁-	[ʃ·"]	простой, щелевой, шипящий, неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]	[(ʒ" <u>f̆</u> :"):] (рис. 4–5 на с. 22–23)	простой, щелевой, шипящий, начальновзрывной (краткий компонент), неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	долгий
-V[C]	[ʃ:"]	простой, щелевой, шипящий, неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	долгий
[C]V-	[s·"]	простой, щелевой, свистящий, неаспираторизированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонецый, умереннонапряженный	полудолгий

⁴ Мы не ставим знака равенства между палатализацией и мягкостью, считая палатализацию сопутствующей артикуляцией у мягких согласных, но необязательной.

-V[C]C ₁ -	[(z"s")]	простой, щелевой, свистящий, начальнoзвонкий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердoнебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[s"]	простой, щелевой, свистящий, начальнoзвонкий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердoнебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]	[s"]	простой, щелевой, свистящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердoнебный, умереннонапряженный	полудолгий
[C]O ⁵ -	[s.]	простой, щелевой, свистящий, неаспирированный, твердый	переднеязычно-среднеязычный, твердoнебный, умереннонапряженный	полудолгий
[C]A ⁶ -	[s·'] (рис. 6 на с. 23)	простой, щелевой, свистящий, аспирioванный, твердый	переднеязычно-среднеязычный, твердoнебный, умереннонапряженный	полудолгий

Финальный согласный [s"], оказавшись при наращении аффиксов в интервокальном положении, начальнo озвончается, заменяясь звуком [(z"s")].

Ауслautные [(z"s"):] и [s"] находятся в отношениях факультативного варьирования.

В некоторых словах фиксируется междикторское варьирование звуков [s"] и [s"], например: в слове *чичкэдиэ* // *сыськэдиэ* // *сиськэдиэ* 'рыба-конёк' в абсолютном начале слова в инициально-превокальной позиции и в слове *пугэсь* 'тепло' – в финально-поствокальной.

Исходя из полученных данных, в одульском языке на основе метода дистрибутивного анализа с использованием правил выделения фонем Н. С. Трубецкого [1960], критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования, а также с учетом междикторской вариативности произношения можно выявить следующие фонемы:

/h̥c/ – сложная, смычно-щелевая, среднеязычная, твердoнебная, шипящая, дентализованная, мягкая; реализуется в аллофонах [h̥c'], [(h̥)c'], [h̥c_], [h̥j_], [h̥j_], [h̥c] в следующих позициях: [C]V-, -VC₃[C]V-, -V[C]V-;

/ʃ"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердoнебная, шипящая, неаспирированная, мягкая; реализуется в аллофонах [ʃ"], [ʃ:], [(z"s"):], [(z"s"):] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, -V[C]V-, -V[C]C₁-, -V[C]. Данная фонема – междикторский вариант консонантной системы одульского языка, соответствует фонеме /s"/;

/s"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердoнебная, свистящая, неаспирированная, мягкая, полудолгая; реализуется в аллофонах [s"], [s:], [s·'] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, [C]A-. Данная фонема – междикторский вариант одульского языка, соответствует фонеме /s"/;

/s"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердoнебная, свистящая, неаспирированная, мягкая, полудолгая; реализуется в аллофонах [s"], [s:], [s·'] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, [C]A-, -V[C]V-, -V[C]C₁-, -V[C]. Данная фонема – междикторский вариант одульского языка, соответствует фонеме /ʃ"/.

Анализ работ исследователей, зафиксировавших разные этапы развития одульского языка, и собственный языковой материал позволили выявить естественный фонетический процесс изменения юкагирской фонемы /h/. Развитие и условная датировка процесса продемонстрирована в схеме 1 на с. 27.

Мы считаем, что ориентировочно в конце XVIII – начале XIX вв. начинается процесс аффрикации фонемы /h/: появляется шипящая аффриката [h̥c] в речи мужчин и свистящая [h̥s"] – в речи женщин. При определении датировки мы исходили из следующих фонетических наблюдений (Н. С. Уртегешев): примерно за два поколения происходит полная трансформация звука из одного типа в другой у всех носителей (в отдельных периферийных словах возможно сохранение исходного

⁵ Рассматриваемый согласный в препозиции к гласным типа «о».

⁶ Описываемый консонант в препозиции к гласным типа «а».

произношения). Если учесть, что за возраст одного поколения берется 25 лет, то полная замена звуко-типа происходит приблизительно за 50 лет (без учета внешних факторов, таких как массмедиа, но при активном использовании языка). По В. И. Иохельсону, у одулов в конце XIX в. в женской и детской речи в финальной позиции уже фиксируется спонтанное произношение щелевой свистящей [sʰ] на месте аффрикаты [hsʰ], в то время как у старшего поколения в той же позиции отмечается шипящая [ʃc] [Иохельсон, 1934, с. 158]. Дети, находящиеся при матерях, усваивали произношение со свистящим звуком от женщин. Следовательно, фон [h] прошел стадию трансформации в [ʃc] и [hsʰ] полностью, и за этот промежуток времени выросло два поколения. Естественно, что аффрикаты могли возникнуть и раньше в речи отдельных индивидов. Судя по записям В. И. Иохельсона, в речи женщин и детей продолжилось структурное изменение: аффриката [hsʰ] переходит в [sʰ]. Учитывая тот факт, что эта редукция носила не частный характер, а массовый, следует говорить о смене еще одного поколения одулов. Таким образом, мы получили приблизительную датировку – конец XVIII – начало XIX вв. Но следует сказать, что в то же время наравне с аффрикатами констатировалось произношение с [h] в абсолютном начале и в конце слова, а в интервокале фиксировался звонкий [h]. Трансформационный процесс фонемы /h/, по всей видимости, протекал неравномерно. Так, у Е. А. Крейновича, который записывал одулов в 1959 г., в ряде слов зафиксированы слова со звуком [h], находящемся в отношении свободного варьирования с [sʰ] у одного и того же диктора, например, *а:т'э* // *а:с'э* 'олень (домашний)' [Крейнович 1982: 285]. В указанном примере зарегистрирован среднеязычный смычный [h], с одной стороны, а с другой – соответствие [h] // [sʰ], которое, казалось бы, нарушает закономерный ход фонетического развития: [h] → [hsʰ] → [sʰ]. Данное явление, вероятно, свидетельствует о смешении произношений в разных группах одулов, одни из которых еще сохраняли [h], а у других давно произошла деаффрикатизация или структурная редукция свистящего [hsʰ]. Видимо, у некоторых групп, в частности у той, с представителями (потомками) которой работал И. В. Иохельсон, уже к началу XX в. произошло быстрое преобразование [hsʰ] → [sʰ], потому что в записях у последующих ученых свистящая аффриката не фигурирует.

Шипящая аффриката [ʃc], должно быть, в речи некоторых одулов была основной с самого начала, и эта одульская группа была многочисленной, собственно, как и «секающая». Большое количество записей с [ʃc] в разных позициях сделаны П. Е. Прокопьевой в начале XXI в. (см. табл. 3) от пожилых носителей языка, что говорит об устойчивости произношения. Контактирование и объединение одульских родов приводили к смешению артикуляционных традиций, которые на первоначальном этапе существовали параллельно, а затем началось выстраивание новой системы, в которой аффриката [ʃc] и щелевые [sʰ] и [ʃʰ] стали выделяться в самостоятельные фонемы, но при этом /sʰ/ и /ʃʰ/ выступают междикторскими вариантами произношения.

Рассматриваемая проблема вариативности фонемы /h/ отражает существовавшие языковые различия, присущие не только разным племенам юкагиров, но и, не исключено, родовым группам. В современном языке лесных юкагиров такие особенности выражаются в наличии разных лексико-морфологических и лексико-фонетических вариантов слов: так, например, распространены аллолексемы, различающиеся следующими фонемами и кластерами фонов: *ж* ~ *р* (*йонжаа* – *йонраа* 'клюв', *йонжоодэ* – *йонроодэ* 'одеяло'), *м* ~ *б* (*эмбэ* – *эббэ* 'быть черным'), *у* ~ *бо* / *бу* (*шоубо* – *шобобо* 'посуда', *йоубо* – *йобобо* 'спина') и др.

Заключение

В одульском языке за относительно короткий промежуток времени произошли значительные фонетические трансформации юкагирского /h/ в двух направлениях: 1) «щекающем» или «шипящем»: [h] → [hsʰ] → [sʰ]; 2) «секающем» или «свистящем»: [h] → [hsʰ] → [sʰ]. Подобные фонетические процессы трансформации (переднеязычно-)среднеязычной фонемы /h/ характерны и для тюркских языков Сибири, например, в калмакском языке: *йерь* ~ *дьерь* ~ *тьерь* ~ *черь* ~ *джерь* ~ *жьерь* ~ *жырь* 'земля' (в речи одного носителя) [Уртегешев, 2018, с. 90], и для тунгусо-маньчжурских [Морозова, 2015, с. 74–85; Морозова, Булатова, Андросова, 2020, с. 582–607]. Следует сказать, что цепочка изменений [h] → [hsʰ] → [sʰ] на материале других сибирских языков не фиксировалась, во всяком случае, подобными сведениями на данный момент мы не обладаем.

К настоящему времени в одульском языке из юкагирской /h/ развилось три фонемы – /h̥/, /ʃ"/, /s"/, аллофоны которых функционируют в сходных позиционно-комбинаторных условиях.

В результате заимствований из русского языка слов с начальным «с», которые одулы адаптировали и произносят, согласно артикуляционным нормам языка-реципиента, так же с переднеязычно-среднеязычной настройкой, даже в тех случаях, когда звук не мягкий, у «щекающих» появилась новая фонема /s"/, а у «секающих» расширилось позиционное варьирование фонемы /s"/.

Для создания первых словарей и учебных пособий для одульского языка было выбрано унифицированное написание с щелевым переднеязычно-среднеязычным свистящим согласным [s.'], отображающееся через **сь** во всех случаях, кроме препозиции к [и], [из]. В последнем случае использовали букву **с**, хотя, по данным наших фонетических исследований, в речи в тех же словах звучат и [h̥c.'], и [ʃ:'].

Учитывая междикторскую вариативность произношения, характерную для речи последних носителей одульского языка, аллофоны фонем /h̥c/ ([h̥c'], [(h̥)c'], [h̥c.'], [h̥j.'], [h̥j.'], [h̥c]), /ʃ"/ ([ʃ:'], [ʃ:'], [(ʃ:'):'], [(ʃ:'):']) + /s"/ ([s.'], [s.']) // /s"/ ([s.'], [s.']) для научных публикаций можно было бы отображать на письме через **ч** / **сь** / **щ**, например: (писали) *эсьиэ* ~ *эсиэ* – (предлагаем) *эсьиэ* ~ *эщиэ* ‘отец’, *пугэсь* – *позэсь* ~ *позэщ* ‘тепло’.

Список литературы

- Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. 243 с.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык / Языки народов СССР. Л., 1968. Т. V. С. 435–452.
- Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка: Развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Морозова О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 1. С. 74–85.
- Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Андросова С. В. Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и ороchonском языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 582–607.
- Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 66 с.
- Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2002. 224 с.
- Прокопьева П. Е. Язык лесных юкагиров // Язык и общество: Энциклопедия. М., 2016. С. 614–618.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Русско-юкагирский разговорник: Учеб. пособие. Якутск, 2013. 88 с.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Спирidonов В. К., Николаева И. А. Букварь для 1 класса юкагирских школ (верхнеколымский диалект). СПб., 1993. 127 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Уртегешев Н. С. Калмаков язык // Tehlikedeki Diller Dergisi. 2018. № 12. С. 65–95.
- Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- ФЮ – Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
- ФЮВК – Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Дёмина Л. Н. Якутск, 1989. В 2-х ч. Ч. 1. 161 с. Ч. 2. 89 с.

Южноякугирский язык // Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://ataskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 20.01.2023)

References

- Fo'klor yukagirov* [Folklore of the Yukaghirs]. G. N. Kurilov. (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (In Russ., Yukagh.).
- Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy* [The folklore of the Upper Kolyma Yukaghirs]. L. N. Zhukova, I. A. Nikolaeva, L. N. Demina (Comps). Yakutsk, 1989, pt. 1, 161 p.; 1989, pt. 2, 89 p. (In Russ., Yukagh.).
- Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [The materials for Yukaghir language and folklore study collected in the Kolymsky district]. Yakutsk, Bichik, 2005, 272 p. (In Russ.).
- Iokhel'son V. I. *Odul'skiy (yukagirskiy) yazyk* [Odul (Yukaghir) language]. In: *Yazyki i pi'mennost' narodov Severa* [The languages and literature of the peoples of the North]. Leningrad, 1934, pt. III, 243 p. (In Russ.).
- Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [The Yukaghir language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [The languages of the peoples of the USSR]. Leningrad, 1968, vol. 5, pp. 435–452. (In Russ.).
- Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Research and materials on the Yukaghir language]. Leningrad, Nauka, 1982, 304 p. (In Russ.).
- Kurilov G. N. *Leksikologiya sovremennogo yukagirskogo yazyka: (Razvitie leksiki i rol' v nem yakutskogo yazyka)* [Lexicology of the modern Yukaghir language: (Development of the Lexical System and the Role of the Yakut language in it)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 288 p. (In Russ.).
- Morozova O. N. *Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke* [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2015, iss. 1, no. 1, pp. 74–85. (In Russ.).
- Morozova O. N., Bulatova N. Ya., Androsova S. V. *Realizatsiya peredneyazychnogo shchelevogo /s/ v evenkiyskom i orochonskom yazykakh* [Realization of front fricative /s/ in the Evenki and Oroqen languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, vol. XVI, pt. 2, pp. 582–607. (In Russ.).
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 66 p. (In Russ.).
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy* [Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir vocabulary]. St. Petersburg, Drofa, 2002, 224 p. (In Russ.).
- Prokopeva P. E., Prokopeva A. E. *Russko-yukagirskiy razgovornik: Ucheb. posobie* [Russian-Yukaghir phrasebook: textbook]. Yakutsk, 2013, 88 p. (In Russ., Yukagh.).
- Prokopeva P. E., Prokopeva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian vocabulary: the language of the Forest Yukaghirs]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 412 p. (In Russ., Yukagh.).
- Prokopeva P. E. *Yazyk lesnykh yukagirov* [The language of the Forest Yukaghirs]. In: *Yazyki i obshchestvo: Entsiklopediya* [Languages and Society: Encyclopedia]. Moscow, 2016, pp. 614–618. (In Russ.).
- Spiridonov V. K., Nikolaeva I. A. *Bukvar' dlya 1 klassa yukagirskih shkol (verhnekolymskiy dialekt)* [Primer for the 1st grade of Yukaghir schools (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg, 1993, 127 p. (In Russ., Yukagh.).
- Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, 1960. (In Russ.).
- Urteshehev N. S. *Kalmakov yazyk* [The Kalmaks language]. *Tehlikedeki Diller Dergisi*. 2018, no. 12, pp. 65–95. (In Russ.).
- Urteshehev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. *Foneticheskie transkripsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy* [Phonetic transcription standards of UUFT

and MFA: a system of correspondences]. *Journal of Philology. Ural-Altaic Studies*. 2009, no. (1), pp. 100–115. (In Russ.).

Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Siberian Journal of Philology*. 2023, no. 1, pp. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17 (in Russ.).

Yuzhnoyukagirskiy yazyk. 2. Dialektnaya situatsiya [South Yukaghir language. 2. Dialect situation]. In: *Interaktivnyy atlas korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: yazyki i kul'tury* [Interactive atlas of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and cultures]. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (accessed: 20.01.2023). (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
05.03.2023*

Сведения об авторах

Прасковья Егоровна Прокопьева – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

E-mail: pproe@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9413-6093.
AuthorID: 415334

Николай Сергеевич Уртегешев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия); ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: urtegeshev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8616-4652
ResearcherID: k-5458-2017

Information about the Authors

Praskovya E. Prokopenva – Candidate of Pedagogy, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: pproe@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9413-6093.
AuthorID: 415334

Nikolay S. Urtegeshev – Doctor of Philology, Leading Researcher, Laboratories of Experimental Phonetic Research of the Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: urtegeshev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8616-4652
ResearcherID: k-5458-2017

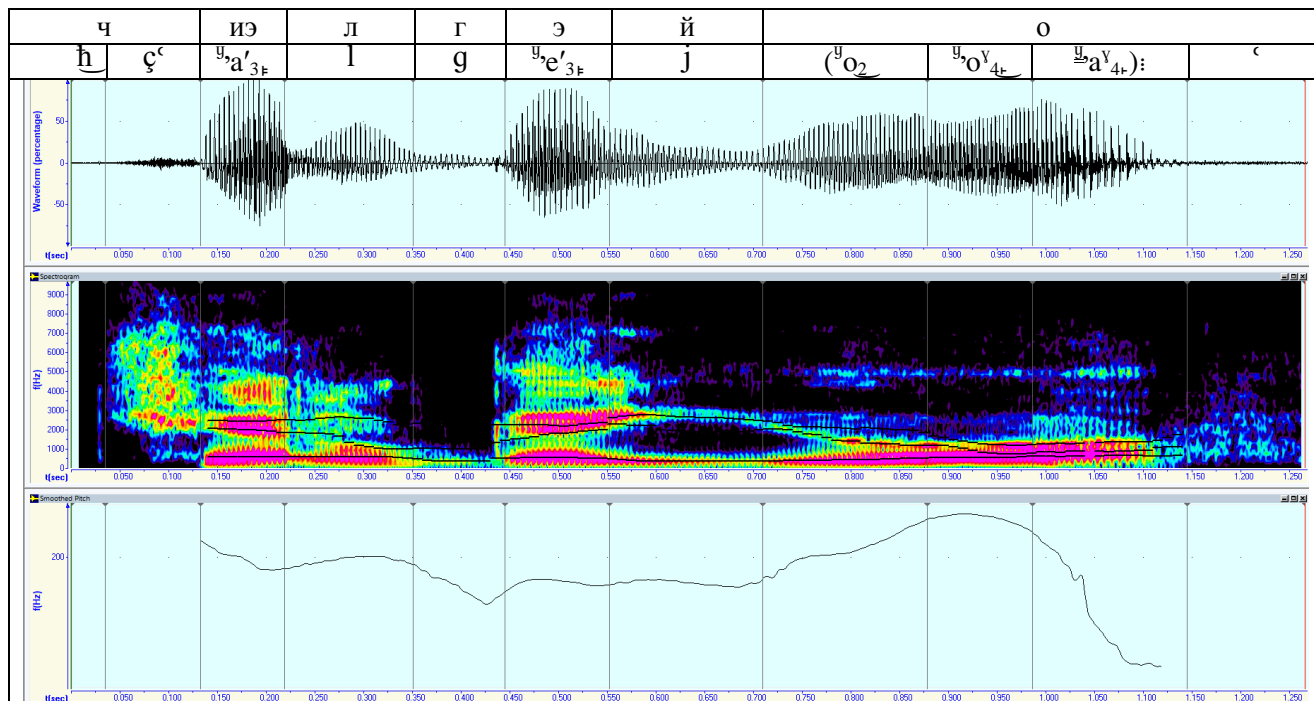


Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *чиэлгэ-йо*

[$\text{h}\text{c}^{\text{u}}\text{a}'_{3\text{f}}\text{lg}^{\text{u}}\text{e}'_{3\text{fj}}(\text{o}_2^{\text{u}}\text{o}^{\text{v}}_{4\text{t}}\text{a}^{\text{v}}_{4\text{r}}):\text{c}$] ‘ой, как холодно (междометие)’

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *chielge-jo*

[$\text{h}\text{c}^{\text{u}}\text{a}'_{3\text{f}}\text{lg}^{\text{u}}\text{e}'_{3\text{fj}}(\text{o}_2^{\text{u}}\text{o}^{\text{v}}_{4\text{t}}\text{a}^{\text{v}}_{4\text{r}}):\text{c}$] ‘Oh, how cold (interjection)’

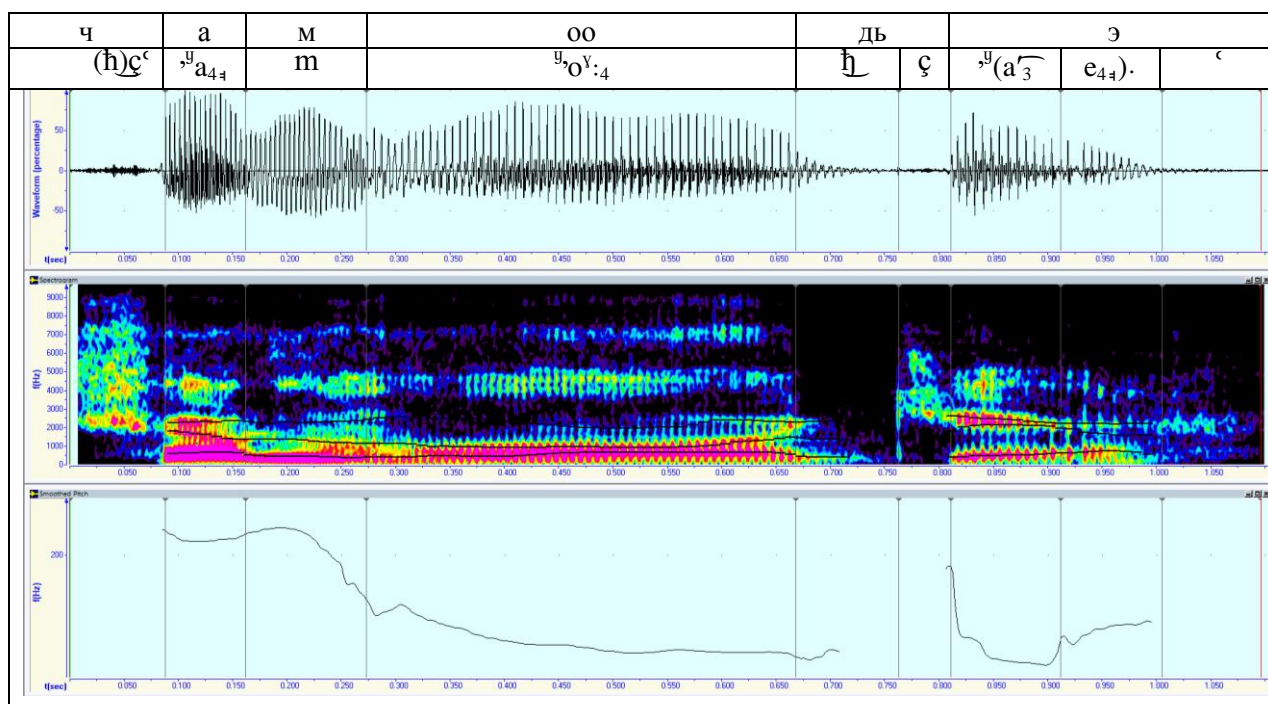


Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *чомоодъэ*

[$(\text{h})\text{c}^{\text{u}}\text{a}_{4\text{r}}\text{m}^{\text{u}}\text{o}^{\text{v}}_{4\text{r}}\text{h}\text{c}^{\text{u}}(\text{a}_{3\text{f}}\text{e}_{4\text{r}}):\text{c}$] ‘большой’

Fig. 2. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *chomood'e* ‘big’

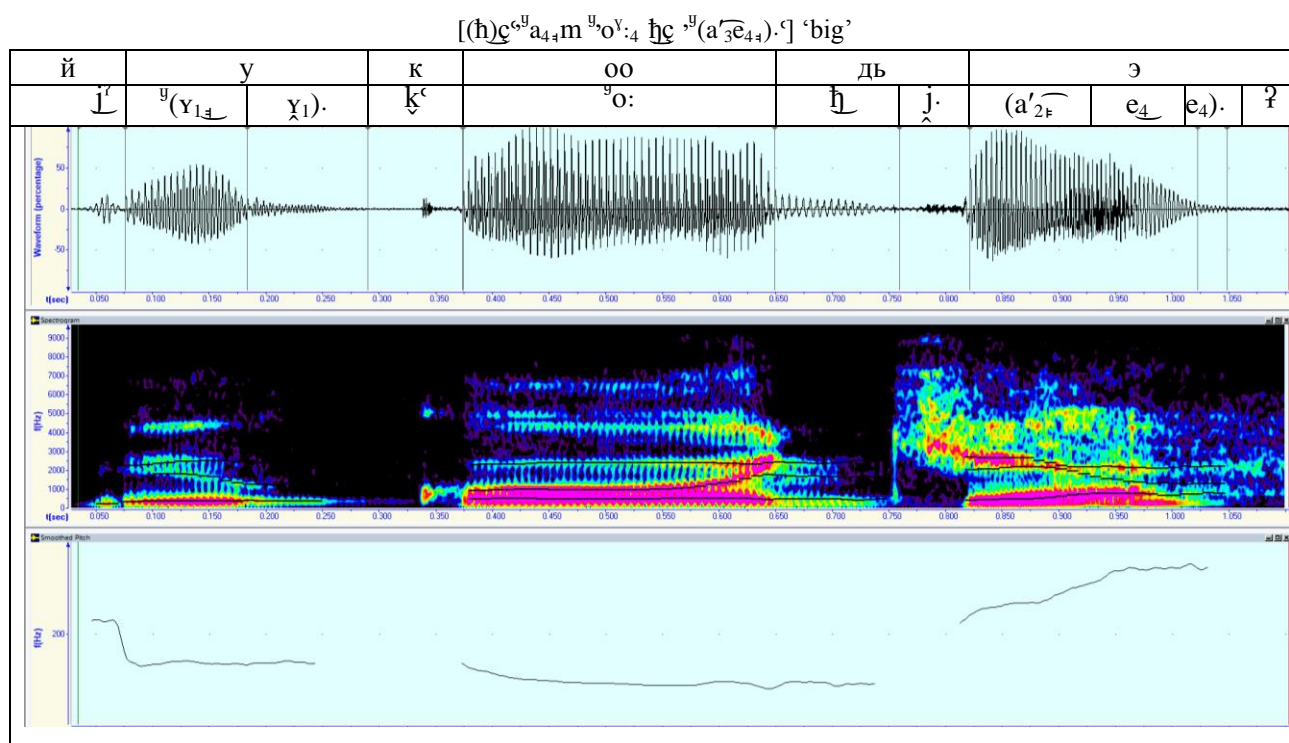


Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *йукоодьэ*

[i^u(y₁₄χ₁)·k^uo:ʑj·(a^u₂e₄₄)·ʑ] 'маленький'

Fig. 3. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *yukood'e* [i^u(y₁₄χ₁)·k^uo:ʑj·(a^u₂e₄₄)·ʑ] 'little'

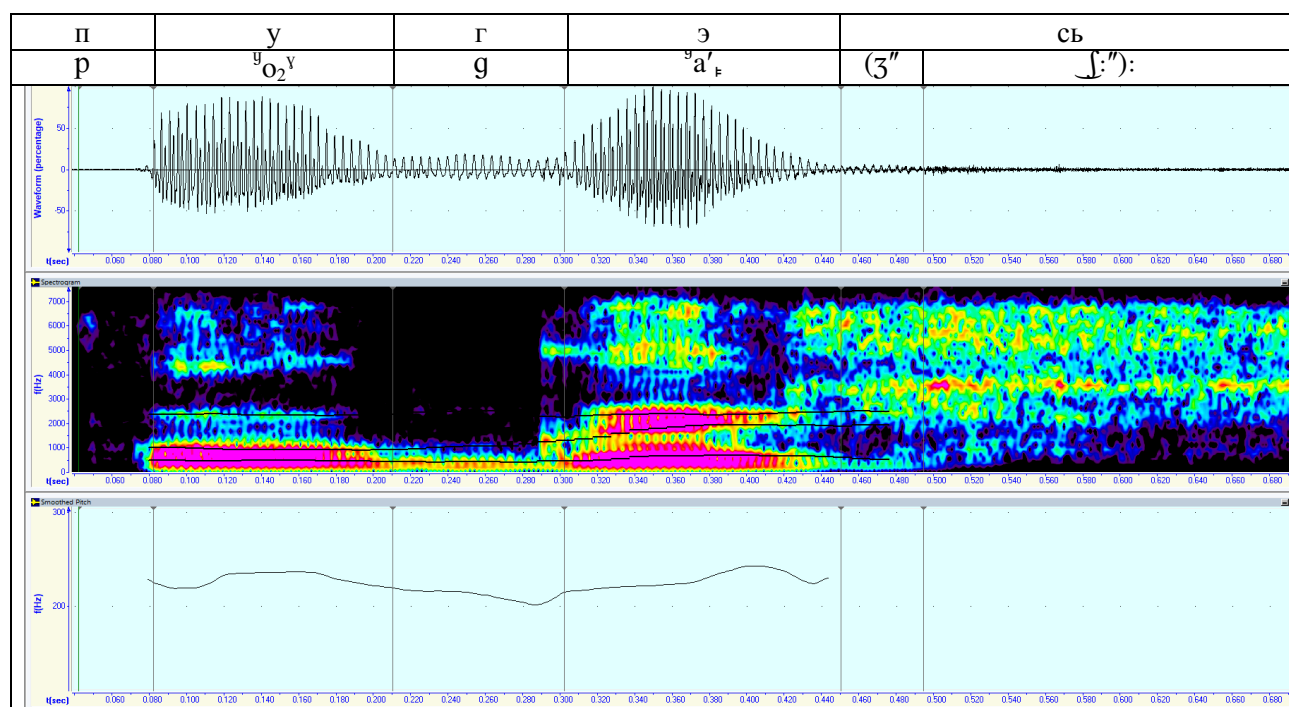


Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *пугэсь* [p^uo₂^ug^ua'_u(3''ʑ''):] 'тепло'

Fig. 4. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *puges'* [p^uo₂^ug^ua'_u(3''ʑ''):] 'warm'

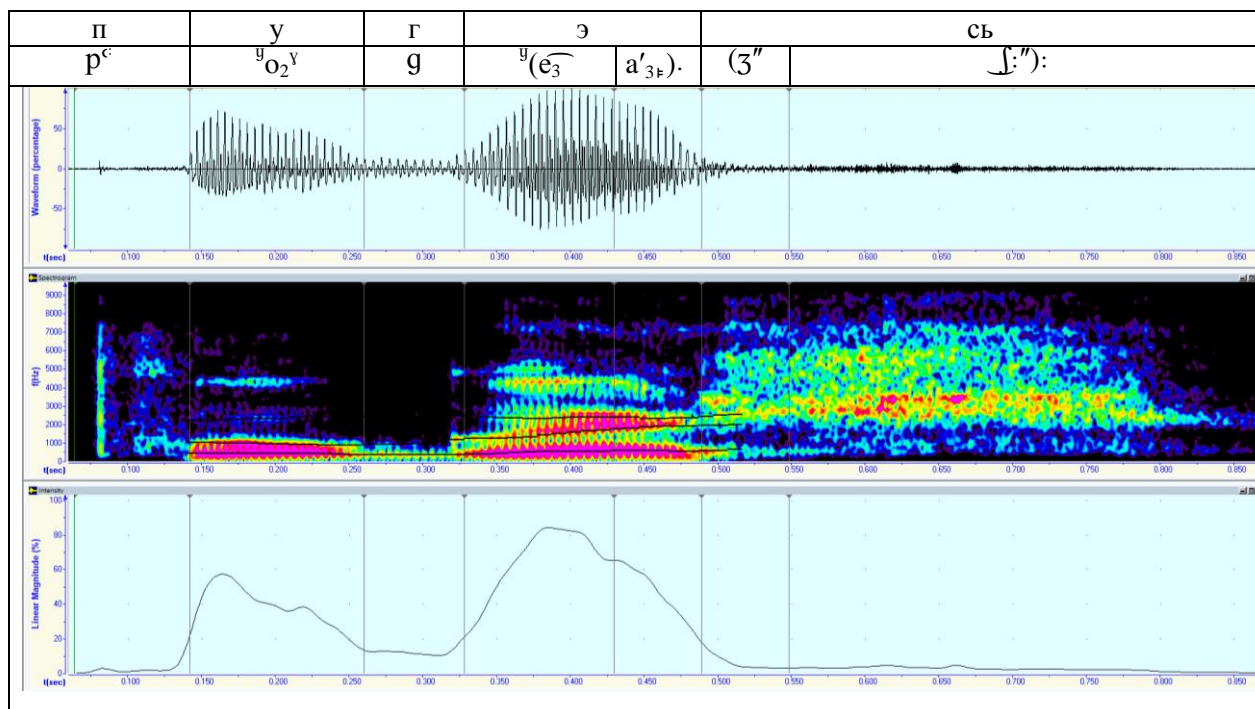


Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *пуэс* [pʰo₂ʷgʷ(ε₃a'₃ₓ)·(ʒʷʲ):] 'тепло'
 Fig. 5. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *puges* [pʰo₂ʷgʷ(ε₃a'₃ₓ)·(ʒʷʲ):] 'warm'

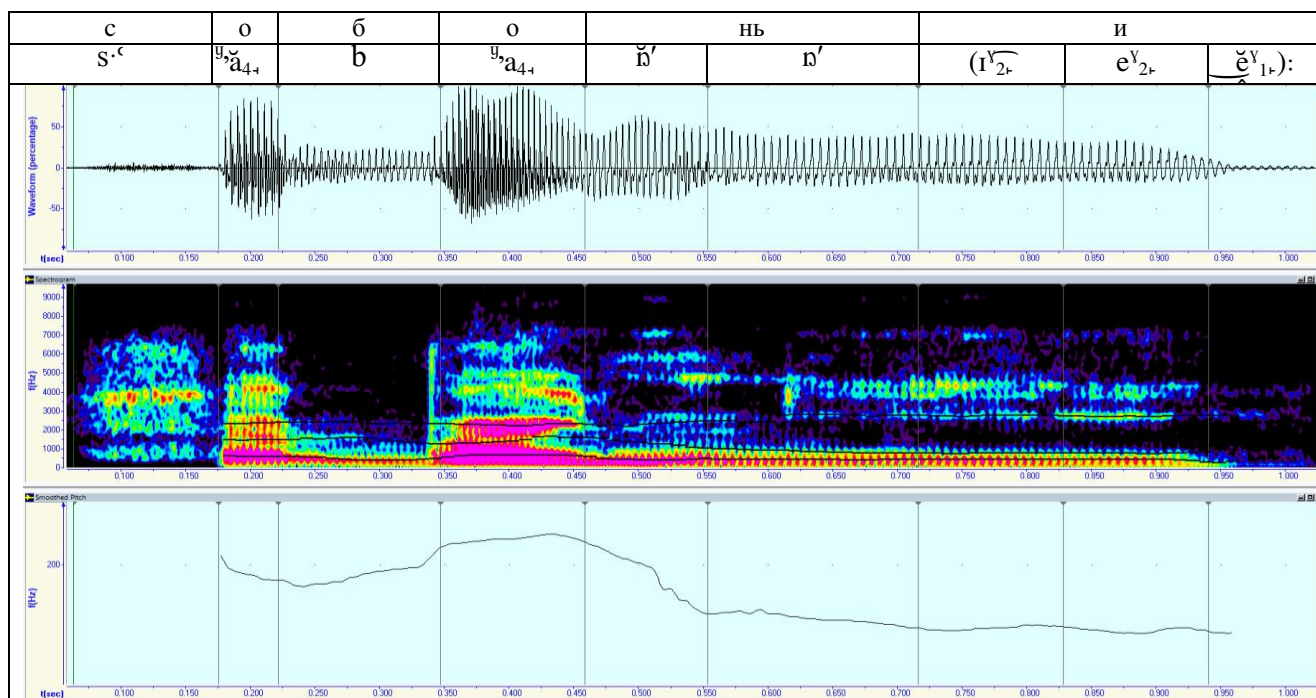


Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова
собоньи [sʰa₄bʷa₄n'ʲ(ɪ²e²e¹):] 'сегодня'
 Fig. 6. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *sobon'i* [sʰa₄bʷa₄n'ʲ(ɪ²e²e¹):] 'today'

Таблица 3

Table 3

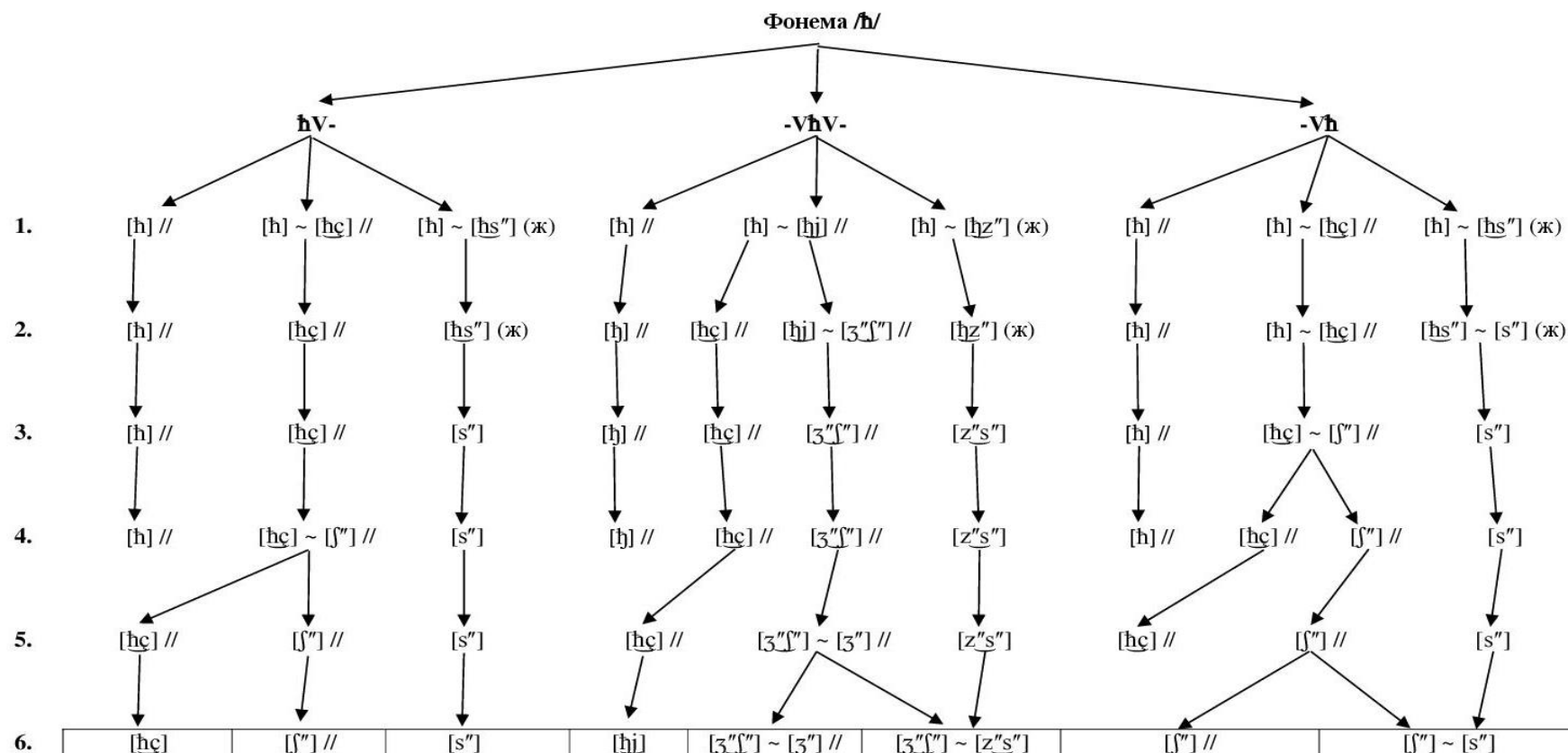
Реализация звука *h
Sound implementation *h

Позиция в слове	Звук	Транскрипция	Написание	Перевод
[C]V-	[(h)ɕʰ]	[(h)ɕʰ ₄₄ m ₄ o ₄ : ₄ hɕʰ (a ₃ e ₄₄).ʰ]	чомоодьэ (ПУ)	‘большой’
[C]V-	[hɕʰ]	[hɕʰ ₄ a ₃ lɔ ₄ e ₃ j (o ₂ o ₄ a ₄ ʰ):ʰ]	чиэлгэ-йо (ПУ)	‘ой, как холодно (междометие)’
[C]V-	[s̥ʰ]	[s̥ʰ ₄ o ₄ (λλ):ʰtʰ(e ₄ a ₄ a ₄ ʰ)(ʔkʰ):ʰ]	сольтэк (ПУ)	‘посоли’
[C]V-	[s̥ʰ]	[s̥ʰ ₄ o ₄ (λλ):ʰtʰ(e ₄ o ₄ ʰe ₄ nʰ)]	сольтэгэн (ПУ)	‘пусть посолит’
[C]V-	[s̥ʰʰʰ]	[ʰ{s̥ʰʰʰ ₁ ʰ ₂ =λ ₄ e ₄ =λ ₄ e ₄ (ʔ):ʰ}]	сьиильэньэй ~ сиильэньэй (ПУ)	‘сильный’
[C]V-	[ʃʰʰ]	[ʃʰʰ ₁ ʰ ₃ (zʰsʰ):ʰkʰe ₄ ʰʰ(e ₄ ʰ ₂ e ₄ ʰ):ʰ]	сиськэдиэ (ПУ)	‘рыба-конёк’
-V[C]V-	[ʒʰ] // [hʒʰ]		āčā (И)	‘олень (домашний)’
	[h] // [sʰ]		a:tʰə // a:cʰə (К)	
	[sʰ]		aacə (НШ)	
	[hɕʰ] // [sʰ]		aacə // aacə (П)	
-V[C]V-	[hʃʰ] // [hʒʰ]		лочил (И)	‘огонь’
	[h]		лотʰил (К)	
	[sʰ]		лосил (НШ)	
-V[C]V-	[hʃʰ] // [hʒʰ]		качичи (И)	‘принесли’ (И), ‘принес=он’
	[h]		кэмʰим (К)	
	[sʰ]		кэсим (НШ)	
	[hɕʰ]		кэчим (П)	
	[(ʒʰʃʰ):ʰ]	[ʔkʰe ₄ (ʒʰʃʰ):ʰʰ ₂ (mʰ):ʰ]	кэсьим ~ кэсим (ПУ)	

-V[C]V-	[h̥i"] // [h̥z"]		äčičä (И)	‘отец’
	[s"]		эс'иэ (К)	
	[s"]		эсиэ (НШ)	
	[h̥ç]		эчиэ (П)	
	[(z"s")·]	[^ç e ₃₊ (z"s")·(^ç i ₃₊ ^ç e'_{4+}e'_{4+})·]	эсьиэ ~ эсиэ (ПУ)	
	[(z"s")·]	[^ç (e'e')·(z"s")·(^ç i ₂₊ ^ç e'_{4+}e'_{4+})·]	эсьиэ ~ эсиэ (ПУ)	
-V[C]V-	[(z"s")·]	[?k ^c ₄ e ^ç ₄ b ^b ₄ e ^ç ₄ (z"s")·(^ç e ^ç ₂ a ^ç ₄ a ^ç ₄)·]	кэбэсьэ (ПУ)	‘ушёл=я’
-V[C]V-	[(z"s")·]	[n ^ç (e ^ç ₂ a'_{4+})·(z"s")·(^ç e ^ç ₄ a ^ç ₄ a ^ç ₄)·]	ньаасьэ (ПУ)	‘лицо’
-V[C]V-	[s"]	[^ç k ^c (e ^ç ₂ e ^ç ₃₊)·s"(a ^ç ₂ a ^ç ₄ a ^ç ₄)·]	киэсьэ (ПУ)	‘пришёл=я’
-V[C]V-	[s"]	[?k ^c (e ^ç ₂ e ^ç ₃₊)·s"(a ^ç ₄ a ^ç ₄)·?]		
-V[C]V-	[h̥i"] // [h̥z"]		чохочал (И)	‘берег’
	[s"]		чобосьо (НШ)	
	[h̥ç] // [s"]		чобочэ / чобосьэ (П)	
-V[C]V-	[h̥j̥]	[i ^ç (y ₁₊ y ₁)·k ^c ₄ o:h̥j̥(a'_{2+}e ^ç ₄ e ^ç ₄)·?]	йукоодьэ (ПУ)	‘маленький’
-V[C]V-	[h̥ç]	[(h)ç ^c ₄ a ^ç ₄ m ^ç ₄ o ^ç ₄ h̥ç ^c (a ^ç ₃ e ^ç ₄)·?]	чомоодьэ (ПУ)	‘большой’
-V[C]C ₁ -	[(z"s")·]	[^ç i ^ç ₃₊ (z"s")·k ^c ₄ e ^ç ₃₊ h̥ ^c (e'_{1+}e'_{2+}e'_{2+})·]	сиськэдиэ (НШ)	‘рыба-конёк’
-V[C]	[h] ~ [h̥ç] // [hs"] ~ [s"]		äpīč'(И)	‘плохой, плохо’
	[s"]		эрис' (К)	
	[s"]		эрись (НШ)	
-V[C]	[h] ~ [h̥ç] // [hs"] ~ [s"]		мāнмāгэч'(И)	‘соскочил, подпрыгнул=он’

	[s'']		мЭНМЭГЭс' (К)	
	[s'']		мЭНМЭГЭсб (НШ)	
-V[C]	[h] ~ [hç] // [hs''] ~		кОбайч' (И)	'пошел, ушел, уехал=он'
	[s'']		кЭWэс' (К)	
	[s'']		кЭбэсб (НШ)	
	[s'']			
-V[C]	[ʃ:']	[^u (e ^v ʃe ^v :) ₂ ·ŋdʒoʃ:']	ингжусб (ПУ)	'уснул=он'
-V[C]	[(ʒ'':'):]	[ʔ{ě ^v ₃ ·(ɣ'ɣ'ɣ)·k ^{c:u} ě' ₃ ·(ʒ'':')::}]	иркэсб (ПУ)	'взрогнул=он'
-V[C]	[(ʒ'':'):]	[p ^u o ₂ ^v g ^u a'·(ʒ'':'):]	нугэсб (ПУ)	'тепло'
-V[C]	[(ʒ'':'):]	[p ^{c:u} o ₂ ^v g ^u (e ₃ a' ₃ ·)(ʒ'':'):]		

Примечание: ПУ – Прокопьева, Уртегешев, И – Иохельсон, К – Крейнович, НШ – Николаева, Шалугин, П – Прокопьева. Отсутствие транскрипции в соответствующем столбце: у авторов дано только кириллическое написание или другой тип транскрибирования (не УУФТ). Звук дан в УУФТ, исходя из представленной характеристики у исследователя.

Схема развития фонемы /h/ и примерная датировка данного процесса
Scheme of phoneme development /h/ and approximate dating of this process

1. Примерно конец XVIII – начало XIX в. У некоторых групп одулов начинается аффрикатизация [h] (ть) в двух направлениях: в [hç] (ч) и в [hs''] (ц).
 2. Конец XIX в. 3. Начало XX в. 4. Середина XX в. 5. Конец XX в. – начало XXI в. 6. Наше время. У последних носителей языка.
 (ж) – женская речь; ~ – факультативное чередование в речи одного носителя; // – варьирование у разных групп одулов.

СИНТАКСИС

УДК 811.512.221.6 + 81'367.3 + 81'367.625.45

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика

Л. В. Озолина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отглагольными именами существительными «сложной семантики». Являясь универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, посессивность располагает специфическими механизмами выражения в каждом языке. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность оформляется атрибутивными притяжательными конструкциями. Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор, второй – имя существительное, называющее предмет обладания, оформляемое маркером-релятором (посессивным суффиксом). В зависимости от принадлежности к грамматическому классу первого компонента, посессивные конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные. Последние представлены конструкциями с личными и возвратными местоимениями, заполняя в предложении позицию обстоятельства, которое по семантическим основаниям квалифицируется как осложняющее. Отглагольные имена сложной семантики, традиционно называемые глагольными формами: «форма одновременного действия» (симультатив), «условно-временная форма» (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консесив), а также «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Семантическими эквивалентами в русском языке выступают либо сочетания притяжательных местоимений с предложно-падежными формами имени существительного, либо придаточные соответствующих разрядов в составе сложноподчиненных предложений, присоединяемые подчинительными союзами. В статье предпринята попытка описания инвентаря осложняющих обстоятельств, находящих выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами особых архаичных парадигм. Описание осложняющего обстоятельства выполнено с точки зрения структуры и семантики.

Ключевые слова

орокский язык, осложняющее обстоятельство, семантика, структура, посессивная конструкция, отглагольные имена, возвратно-притяжательные деепричастия

Для цитирования

Озолина Л. В. Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 26–38. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

© Л. В. Озолина, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics

L. V. Ozolinya

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Complicating adverbials are represented in the Orok language by non-predicative possessive constructions, verbal nouns of “complex semantics.” As a universal semantic category for expressing attributive relations between names, possessiveness has specific expression mechanisms in each language. In the Tungus-Manchu languages, possessiveness is formalized by attributive possessive constructions. Traditionally, semantic relations between the components of a possessive construction are implemented at the level of a two-term structure, with the first component being the name-possessor and the second component being the object of possession (exclusively a noun), formed by a marker-relator (possessive suffix). Depending on the grammatical class of the first component (the possessor), possessive constructions are characterized as substantive and pronominal, the latter derepresented by personal and reflexive ones occupying the position of an adverbial in the sentence and regarded as “complicating” in terms of semantics. The verbal nouns of “complex semantics” are traditionally referred to as verb forms: “simultaneous form,” “conditional-temporal form,” “purpose form,” “conditionally concessive form,” and “failed action form.” These verbal nouns occupy the syntactic positions of the adverbials of time, purpose, condition, concession, or unachieved purpose in the sentence as part of a possessive construction. The semantic equivalents of these adverbials in Russian are phrases of possessive pronouns with prepositional-case forms of a noun, or clauses of the corresponding categories in complex sentences, attached by subordinating conjunctions or allied words. This work describes the inventory of complicating adverbials manifested in possessive constructions with verbal nouns of special ancient paradigms in terms of structure and semantics.

Keywords

Orok language, complicating circumstance, semantics, structure, possessive construction, verbal nouns, reflexive possessive adverbs

For citation

Ozolinya L. V. Oslozhnyayushchie obstoystel'stva v orokskom predlozhenii: struktura i semantika [Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics] *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 2 (iss. 45), pp. 26–38. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отглагольными именами существительными «сложной семантики». Обстоятельство как зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения находит свое выражение в тунгусо-маньчжурских языках не только в падежных формах имени существительного [Озолия, 2021, с. 211–221; Озолия, 2022, с. 139–153] или лексических единицах класса наречия, но и в непредикативных синтаксических структурах, в частности посессивных конструкциях с возвратно-притяжательными деепричастиями и особыми глагольными формами, так называемыми отглагольными именами «сложной семантики».

Исследований, посвященных анализу средств выражения обстоятельственной семантики в тунгусо-маньчжурских языках как в простом, так и в сложноподчиненном предложении, немного. Работ, посвященных анализу непредикативных посессивных конструкций в роли обстоятельства времени, цели, условия, уступки и т. п., практически нет. В грамматических описаниях анализ именных глагольных форм и возвратно-притяжательных деепричастий сводится к их перечислению с описанием аффиксов, образующих данные «глагольные формы», иногда – к фиксации их синтаксических ролей [Колесникова, Константинова, 1968, с. 121; Новикова, 1968, с. 101–102; Аврорин, 1961, с. 138–170; Кормушин, 1998, с. 97–98; Аврорин, Болдырев, 2001, с. 199, 363; и др.], причем, выделяют от двух до восьми словоформ возвратных деепричастий, в ульчском, удэгейском и эвенском – две именных формы: супин и кондициональ. Функциональные аспекты рассматриваются в синтаксических исследованиях преимущественно при анализе полипредикативных конструкций. Но поскольку в большин-

стве своем тунгусо-маньчжурские языки «при относительно слабой развитости форм сложноподчиненного предложения ... отличаются богатством причастных и деепричастных оборотов (словосочетаний), функционально соответствующих придаточным предложениям русского и других индоевропейских языков» [Суник, 1997, с. 160–161], обстоятельственные посессивные структуры, исходя из их семантики, традиционно квалифицируются как «полипредикативные конструкции с зависимым предикатом» [Бродская, 1988, с. 84], «ППК с зависимыми инфинитными формами (кондиционалем и целевой формой)» [Герасимова, 2006, с. 116], конструкции с «формами зависимой предикации» [Мальчуков, 1999, с. 145] и т. п.

В орокском языке отглагольные имена «сложной семантики», традиционно квалифицируемые как особые глагольные формы: «форма одновременного действия» (симультив), «условно-временная форма (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консесив), «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции в предложении заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Орокские деепричастия в семантическом плане достаточно сложно соотносить с русскими деепричастиями: семантика орокского сложнее, кроме того, с грамматической точки зрения оно совершенно лишено даже относительных временных характеристик, которые присущи русским деепричастиям и определяются совершенным или несовершенным видом производящей основы (в орокском языке категория вида не сформирована). При этом возвратно-притяжательные деепричастия, не находя семантических эквивалентов среди деепричастий русского языка, вполне могут быть соотнесены с выраженными предложно-падежными формами обстоятельств в русском языке. В орокском предложении такие обстоятельства обычно занимают позицию абсолютного начала или абсолютного конца.

Несмотря на то, что непредикативные посессивные конструкции с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями семантически относительно эквивалентны обстоятельственным придаточным времени, причины, цели и условия русского языка (обстоятельства недостигнутой цели имеют весьма условные семантические аналоги), структурно они остаются простыми, осложнены они исключительно в плане семантики. Именно это послужило основанием для отнесения непредикативных посессивных конструкций с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями к разряду осложняющих.

Посессивность является универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, располагая в каждом языке специфическими механизмами выражения. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность реализуется в пределах атрибутивной притяжательной конструкции, выступающей в предложении в функции подлежащего (исключением являются возвратно-посессивные структуры), дополнения или обстоятельства.

Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор в именительном падеже, второй компонент – существительное, обозначающее предмет обладания («обладаемое»), с маркером-релятором – посессивным суффиксом. В зависимости от принадлежности первого компонента посессора к тому или иному грамматическому классу, конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные, последние представлены личными и возвратными.

В тунгусо-маньчжурских языках посессор может быть выражен несколькими языковыми способами, тогда как позицию «обладаемого» может заполнять исключительно имя существительное. Однако квалификация релятивной формы в орокском языке вне контекста практически невозможна: она осложняется, с одной стороны, омонимичностью суффиксальных служебных показателей, например, лично-притяжательных суффиксов имени существительного и лично-числовых глагольных показателей, с другой, широко распространенной частеречной деривацией, следствием которой является образование функциональных омонимов (структурно идентичных единиц различных грамматических классов): омонимичны лично-притяжательные формы существительного и личные формы глаголов, например: *би нэнухэмби* ‘я ушел’ и *би нэнухэмби* ‘мой уход’. Но возвратно-притяжательные суффиксы имени существительного параллелей в системе глагольных показателей не имеют: возвратное притяжание допускают только имена существительные. Соответственно, лексические единицы, в структуре которых выявляется возвратно-притяжательный суффикс, независимо от того, квалифи-

цировались ли они ранее как «особые глагольные формы», «именные глагольные формы» или «деепричастия», могут являться только именами существительными особых, утраченных ныне в большинстве тунгусо-маньчжурских языков парадигм [Аврорин, 1959, с. 138; Петрова, 1941, с. 89; Суник, 1962, с. 247], отглагольными именами, не имеющими полных функционально-семантических эквивалентов в классе имен существительных русского языка. Именно Т. И. Петровой принадлежит идея о четкой организации этих единиц, являющихся по своему грамматическому оформлению и функционалу именными, их принадлежности к архаичным парадигмам, использовавшимся в тунгусо-маньчжурских языках для выражения отношений зависимости и оформления семантики цели, условия, уступки и т. п. в простом предложении [Петрова, 1967, с. 120].

Отглагольные имена представлены в орокском языке двумя парадигмами: существительными сложной семантики (в части тунгусо-маньчжурских языков ныне утраченных или представленных преимущественно супином и кондиционалем, тогда как в орокском языке выделяются помимо названных симулятивов, консессив и имя недостигнутой цели) и возвратно-притяжательными деепричастиями, которые выделяются во всех тунгусо-маньчжурских языках (от 2 до 8 форм). Все отглагольные имена дифференцируются в составе простого предложения по отношению к сказуемому: если основное и добавочное действие, обозначаемое обстоятельством, осуществляется одним субъектом, позицию обстоятельства заполняют свернутые посессивные конструкции с возвратно-притяжательными деепричастиями, если субъекты различны – посессивные конструкции с отглагольными именами. По этим основаниям к свернутым посессивным конструкциям отнесены такие, первый член которых, лично-притяжательное или возвратно-притяжательное местоимение, элиминируется, отражаясь суффиксом лексемы, квалифицируемой как деепричастие, но исторически восходящей к древней падежной форме субстантивированного причастия [Озолина, 2016, с. 218; Певнов, 1980, с. 11], так как посессивность в тунгусо-маньчжурских языках является категорией, свойственной исключительно именам существительным. Как справедливо отмечал О. П. Суник, «именными формами глагола мы называем ... такие частные глагольные формы, как супин, условная форма (кондициональ) и некоторые другие. Основанием для объединения указанных форм в одном общем разряде и для наименования его *разрядом именных форм глагола* (курсив мой – Л. О.) служит, прежде всего, тип окончаний, свойственных этим формам, – лично-притяжательные и возвратно-притяжательные окончания, присущие ... именам, а не глаголам» [Суник, 1962, с. 249].

В посессивной конструкции с отглагольными именами существительными позицию первого компонента посессора может заполнять несамостоятельное притяжательное или возвратное местоимение, реже – личное местоимение-существительное или имя существительное в форме именительного падежа. В роли предмета обладания или «обладаемого» выступает отглагольное имя сложной семантики, оформляемое маркером-релятором. Функции маркеров-реляторов выполняют посессивные суффиксы, отражающие имя посессора по категориям лица и числа (личные и лично-притяжательные) или только числа (возвратные суффиксы). Возвратно-притяжательные конструкции с «деепричастиями» в тунгусо-маньчжурских языках выступают в свернутом виде, допуская регулярную элиминацию посессора – возвратного местоимения-прилагательного *мэн(э)* 'свой, свои', дифференцируемого исключительно в отношении числа лиц-обладателей: 'свой для одного или свой для многих', но отражаясь маркером-релятором «обладаемого».

1. Обстоятельства времени

Осложняющие обстоятельства времени находят свое выражение в посессивных конструкциях с симулятивом – отглагольным именем одновременного действия, кондиционалем – именем условно-временной семантики и одновременно-длительными, разновременными и условно-временными возвратными деепричастиями. Формально обстоятельства с возвратно-притяжательными деепричастиями выступают как однокомпонентная или «свернутая» посессивная конструкция, осложняющая предикативную структуру семантически: хотя посессор формально не выражен, его репрезентируют суффиксальные показатели (возвратно-притяжательные реляторы), оформляющие второй компонент («обладаемое»).

1.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с симулятивом, квалифицируются как обстоятельства времени и обычно занимают позицию начала предложения, указывая на одновременность добавочного и основного действий, осуществляемых разными субъектами. Они семантически вполне соотносимы с придаточными времени, присоединяемыми союзами, в составе сложноподчиненного предложения в русском языке. Функции посессора в конструкциях с симулятивом обычно выполняют несамостоятельные притяжательные местоимения, дифференцируемые в отношении лица и числа, но допускается использование существительных и личных местоимений-существительных, что характерно исключительно для посессивных структур с собственно именами существительными. Например:

(1) *Сун(у) биңэсису Пилетунду гёда нари кадаранусу вāхани.* [Новикова, 1950, 4–16]

сунн(у) **би=нэси=су** Пилетун=ду гёда нари
ваш **пребывать=Sim=Poss2Pl** Пилетун=Loc1 один человек
кадара=ну=су вā=ха=ни

медведь=PossInd=Poss2Pl убить=Past=3Sg

‘Когда вы были в Пилетуне, один человек вашего огромного медведя убил’ [Там же, 4–17] (букв.: во время вашего пребывания).

(2) *Эр мангасал бинэссири зин бара заргули манауачи-тани.* [Новикова, 1950, 4–18]

эр манга=сал **би=нэси=ри** зин бара заргули
этот богатырь=Pl **жить=PossRef1/Pl** очень много красные волки (черты)
манна=уа=чи тани

уничтожить=Past=Pl действительно

‘Эти богатыри, когда жили, очень много красных волков (чертей) уничтожали’ [Новикова, 1950, 4–22] (букв.: во время своей жизни).

1.2. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с кондиционалом – именем условно-временной семантики, могут быть квалифицированы как темпорально-условные или условно-временные придаточные. Они соотносимы с русскими придаточными времени, присоединяемыми временными подчинительными союзами, значение которых осложнено оттенком условия. В функции посессора в конструкциях с темпорально-условными именами достаточно часто выступают имена существительные и личные местоимения-существительные, что свойственно номинативным посессивным конструкциям. Обстоятельства с кондиционалом обычно занимают позицию начала предложения, указывая на последовательность основного и добавочного действий, а отчасти и на условность добавочного действия. Например:

(3) *Сини кучэмбэси пивэутэси кучэуэси пивэвлухэни.*

сини кучэм=бэ=си **пивэ=утэ=си** кучэуэ=си
твой нож=Acc=Poss2Sg **точить=Cond=Poss2Sg** нож=Poss2Sg
пивэвлу=хэ=ни

стачиваться=Past=3Sg

‘Когда ты точишь свой нож, он становится тоньше (стачивается)’ [Новикова, 1950, с. 4–25] (букв.: во время / при условии точения).

(4) *Амба акпакутанё би симбё сэрруччилэми.*

амба **акпа=кута=нё** би сим=бё сэрручи=лэ=ми
черт **засыпать=Cond=Poss3Sg** я=1Sg ты=Acc2Sg разбудить=Fut=1Sg

‘Когда / если чёрт ляжет спать, я тебя разбужу’ [Озолия, 1991, с. 3–37]

(букв.: при условии / после его <черта> засыпания).

1.3. Обстоятельства, находящие выражение в посессивных конструкциях с субстантивными одно-временными деепричастиями, квалифицируются как обстоятельства времени, но помимо указания

на продолжительность субстантивного добавочного действия они косвенно обозначают причину, позволяющую осуществить главное. Осуществление основного действия в определенной мере возможно как следствие добавочного действия. Обстоятельства с одновременными деепричастиями в предложении регулярно занимают позицию абсолютного конца, факультативно допустима и позиция перед сказуемым. Например:

(5) *Гедара Торисал хусэлчи гобдѳтчи, гасандѳри асилбари, пурилбэри вэдэмэри.*

гедара Торисал хусэ=л=чи гобдѳ=(γо)т=чи
однажды род Ториса самец=Pl=Poss3Pl промыслить соболя=Past=3Pl
гасан=дѳ=ри аси=л=ба=ри пурил=бэ=ри
селение=Loc1=PossRefl жена=Pl=Acc=PossRefl/Pl дети=Acc=PossRefl/Pl

вэдэ=мэри

оставлять=SimPossRefl/Pl

‘Однажды мужчины рода Ториса соболевали, в своем селении своих жен и детей оставляя’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: во время своего оставления / при условии оставления жен и детей <могли уходить далеко на промысел соболя>).

(6) *Нэумунэсэл ча долбоне чипали манауачи-тани, ча тугдулэнду тэмэри.*

нэумунэ=сэл ча долбоне чипали манна=уа=чи тани ча
брат=Pl тот ночь=Acc все прикончить=Past=3Pl точно тот
тугдулэн=ду **тэ=мэри**
мост=Loc1 **сидеть=SimPossRefl/Pl**

‘Братья в ту ночь всех [красных волков] прикончили, на мосту сидя [Петрова, 1967, с. 129–130] (букв.: во время своего сидения).

1.4. Обстоятельства, выраженные «свернутыми» посессивными конструкциями с субстантивными формами одновременно-длительного деепричастия, квалифицируются как обстоятельства времени. При результативных глаголах, обозначающих основное действие, помимо указания на продолжительность добавочного действия, одновременно-длительные деепричастия определяют последовательность основного и добавочного, косвенно указывая, что совершение основного действия возможно в результате длительного осуществления добавочного, что главное фактически является результатом добавочного. Обстоятельства времени с одновременно-длительными деепричастиями в предложении традиционно занимают позицию абсолютного начала. Например:

(7) *Хасамзѳ, хасамзѳ, гѳда пѳду хакпатчичи.*

хаса=мзѳ хаса=мзѳ гѳда пѳ=ду хакпа=тчи=чи
выслеживать=SimPossRefl/Sg один место=Loc1 догнать=Past=3Pl

‘Выслеживали они, выслеживали, в одном месте нагнали’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: после своего долгого выслеживания).

(8) *Нэнэмде биккури антугачи.*

нэнэ=мде бик=ку=ри апту=га=чи
идти=Sim/PossRefl/Sg место жилья=Acc=PossRefl/Pl достичь=Past=3Pl

‘Шли-шли <они>, до места своего жилья дошли’ [Петрова, 1967, с. 112]

(букв.: в результате своей долгой ходьбы они места своего жилья достигли).

1.5. Обстоятельства, находящие выражение в «свернутых» посессивных конструкциях с субстантивными формами разновременного деепричастия, могут быть квалифицированы как обстоятельства времени: они последовательно разделяют во времени добавочное (оно всегда предшествует основному) и основное действия, указывая на то, что основное происходит только после завершения добавочного. Кроме того, субстантивная форма разновременного деепричастия содержит косвенное ука-

зание и на условие, при котором как результат возможно осуществление основного. В предикативной конструкции условно-временные обстоятельства занимают позицию начала предложения. Например:

(9) *Потчоуотчи, бојо(н) баруни хэрэлипитчини.*

потчо=уотчи бојо(н) бару=ни хэрэлипит=чи=ни
прыгнуть=Sim/Sg медведь около=Poss3Sg закружиться=Past=3Sg
'Прыгнув, <он> вокруг медведя начал кружиться' [Петрова, 1967, с. 113]
(букв.: после своего прыжка).

(10) *Тар нэнэгэтчэри, сиромбо гэлэкури аптугачи.*

тар нэнэгэтчэ=ри сиром=бо гэлэку=ри а пту=уа=чи
так идти=SimPossRefl/Pl олень=Acc место поиска=PossRefl/Pl дойти=Past=3Pl
'Так, ушедши, дошли до того места, где они обычно разыскивают своих оленей' [Петрова, 1967, с. 113] (букв.: в результате своей ходьбы).

1.6. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, также могут быть квалифицированы как распространенные обстоятельства времени. Условно-временные деепричастия определяют последовательность дополнительного (оно всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначая условие осуществления основного. Семантика этих отглагольных субстантивов орокского языка в большей мере эквивалентна семантике придаточных времени в полипредикативных конструкциях русского. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями обычно следуют за подлежащим или занимают позицию начала предложения. Например:

(11) *Тари нари чимаги тэнэ, паиктануби нэннэни.*

тари нари чимаги тэ=пэ паикта=ну=би
тот человек утром вставить=CondSg трава=PossInd=AccPossRefl/Sg
нэнн=э=ни
идти=Pres=3Sg
'Тот человек утром, когда встанет, идет по свою траву' [Петрова, 1967, с. 113]
(букв.: тот человек после своего вставания после сна утром идет косить траву).

(12) *Хасумба-дда биписсэ, гочи сиромбо вāндауачи.*

хасумба-дда би=пи=ссэ гочи сиром=бо вā=нда=уа=чи
сколько=то жить=Sim=Pl снова олень=Acc промыслить=идти=Past=3Pl
'Когда сколько-то (некоторое время) пожил, снова ушли дикого оленя промыслить' [Петрова, 1967, с. 114] (букв.: после их проживания некоторое время <на одном месте>).

2. Обстоятельства условия

Осложняющие обстоятельства условия находят свое выражение в посессивных конструкциях с консессивом – отглагольным именем существительным условно-уступительной семантики.

2.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с консессивом, могут быть квалифицированы как обстоятельства условия: они указывают на добавочное действие, при осуществлении которого возможно выполнение основного, и вполне соотносимы с условными придаточными в русском языке. В функции посессора в конструкциях с отглагольными именами условно-уступительной семантики функционируют преимущественно несамостоятельные притяжательные местоимения. Обстоятельства условия обычно занимают позицию абсолютного начала предложения. Например:

(13) *Мин улаба гадауиви, си хоттоои нэннелэси.*

мин ула=ба гада=уи=ви си хотто=тои нэнне=лэ=си

мой олень=Acc **купить**=Cons=PossRefl/1Sg ты город=Lat-Dat поехать=Fut=2Sg
 ‘Если я оленей куплю, ты в город поедешь’ [Петрова, 1967, с. 129]
 (букв.: при условии моей покупки оленей).

(14) *Син мболоуитэси би улиссэ ололлэви.*

син **моло**=**үитэ**=**си** би улис=сэ оло=лле=ви
 твой **принести дрова**=Cons=PossRefl/2Sg я мясо=Acc варить=Fut=1Sg
 ‘Если ты дров принесешь, я сварю мясо’ [Новикова, 1950, с. 4–21]
 (букв.: при условии твоего принесения дров’).

2.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, могут быть также квалифицированы как распространенные обстоятельства условия: указывая на последовательность добавочного (во временном плане всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначает условие, при котором основное действие может быть совершено. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями находят семантические эквиваленты среди условно-временных придаточных русского языка. В предложении обстоятельства условия регулярно занимают позицию после подлежащего или следуют за дополнением. Например:

(15) *Би эдэ(н) паталаңуни бāпе, илауалта конгокту дапси́пинзилами.*

би эдэ(н) патала=ну=ни **бā=пе** илауалта конгокту
 я царь дочь=PossInd=AccPoss3Sg **найти=CondSg** трижды колокол
 дапси=пин=зи=ла=ми
 звонить=заставить=Pres=начать=1Sg
 ‘Я, дочь царя когда найду, трижды в колокол ударю’ [Петрова, 1967, с. 113]
 (букв.: при условии нахождения дочери царя я трижды колокольчик заставлю начать звонить).

(16) *Би меокчалапе, ча бэјнэ меокчаллэ́лахамби.*

би **меокчала=пе** ча бэјнэ меокчаллэ=ла=хам=би
 я **стрелять=CondSg** тот медведь застрелить=бы=Past=1Sg
 ‘Если бы я выстрелил, я того зверя застрелил бы’ [Петрова, 1967, с. 107]
 (букв.: при условии моей (своей для меня) стрельбы тот медведь был бы мною застрелен).

Условно-временные деепричастия образуются суффиксами *-на / -нэ*, к которому прибавляется возвратный суффикс *-и*, что дает в результате фузии вариант суффикса *-ни / -не* в единственном числе, *-ни=c’c’a / -ни=c’c’э* – во множественном, причем второй компонент, по мнению Т. И. Петровой, сопоставим с суффиксом *-сал / -сэл*, оформляющим множественное число имени существительного. Функционально и семантически условно-временные деепричастия соотносимы с кондиционалом, квалифицированным Т. И. Петровой как «условно-временная форма» [Петрова, 1967, с. 117].

3. Обстоятельства уступки

Осложняющие обстоятельства уступки находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами условно-уступительной семантики.

3.1. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, квалифицируются в орокском языке как обстоятельства уступки: они указывают на несоответствие фактического результата ожидаемому, на наличие фактов, препятствующих осуществлению намерений. Обстоятельства уступки с консессивом семантически сопоставимы с русскими уступительными придаточными в составе сложноподчиненного предложения. В посессивных конструкциях с отглагольными существительными уступительной семантики позицию посессора могут заполнять собственно имена существительные, личные местоимения-существительные и значительно реже – несамостоятельные притяжательные местоимения. В предложении обстоятельства с консессивом обычно зани-

мают позицию после препозитивного подлежащего и обстоятельства времени. Например:

(17) *Би (мин) оронне инэни ундэуви мимбе этчини дāбу.*

би (мин) оронне инэни **ундэ=уи=ви** мим=бе

я (мой) недавно днем **говорить=Cons=Poss1Sg** я=Асс

э=тчи=ни дāбу

слушаться (подчиняться)=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя я сегодня (и) говорил, по-моему не сделали’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: несмотря на мое недавно днем говорение, меня не послушались’).

(18) *Бу (мун) нōттоини улалбари бурэгипу нōни этчини гāда.*

Бу (мун) нō=ттои=ни ула=л=ба=ри

мы (наш) он=Lat-Dat=Poss3Sg олень=Pl=Acc=PossRefl/Pl

бурэ=уи=пу нōни э=тчи=ни гāда

давать=Cons=Poss1SPI он брать=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя мы ему своих оленей давали, он не взял’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: вопреки нашему даванию ему своих оленей он не взял’).

3.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, могут функционировать в орокском языке как вводные, занимая в предложении позицию между подлежащим и сказуемым. Отчасти такие конструкции с отглагольными именами условно-уступительной семантики, образованными преимущественно от статических глаголов восприятия, мысли, речи, чувства и т. п., содержат косвенное указание на условие, при котором осуществляется действие. Например:

(19) *Тари пэттэ мапа итэуини зин оннори*

тари пэттэ мапа **итэ=уи=ни** зин оннори

тот нерпа старик **взглянуть=Intr=Poss3Sg** пестрый.SD

‘Та нерпа, как старик посмотрит, очень пестрая’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: эта нерпа, на взгляд старика, очень пестрая).

4. Обстоятельства цели

Осложняющие обстоятельства цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами целевой семантики.

4.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с супином, квалифицируются в предложении как обстоятельства цели. В зависимости от того, осуществляется ли основное и добавочное действия, обозначаемые обстоятельствами, одним лицом или разными лицами, в функции релятора могут использоваться личные, притяжательные и возвратные суффиксальные показатели. Позицию посессора при этом могут заполнять личные, несамостоятельные притяжательные и возвратные местоимения (последние допускают регулярную элиминацию). Эквивалентами обстоятельства цели, выраженного посессивной конструкцией с супином, являются в русском языке придаточные цели в сложноподчиненном предложении. Обстоятельства цели с супином регулярно занимают позицию конца предложения. Например:

(20) *Ториса Геттатаи гēда наррē бууэчи итэчибуддуни, Гетта мангануни булкуптэне, алду гаду-буддуни.*

Ториса Гетта=таи гēда нар=рē бу=үэ=чи

род Ториса род Гетта=Lat-Dat один человек=Асс дать=Past=3Pl

итэчи=будду=ни Гетта манга=ну=ни

следить=Sup=Poss3Sg Гетта богатырь=PossInd=Poss3Sg

бул=куптэ=не алду **гаду=буддо=ни**

умереть=Cond=Poss3Sg новость **принести=Sup=Poss3Sg**

‘Род Ториса роду Гетта дал одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гетта умрет, чтобы он принес известие’ [Петрова, 1967, с. 117] (букв.: род Торису роду Гетта дал одного человека для слежения, при условии смерти богатыря рода Гетта – для принесения <им> известия).

(21) *Чб́чи тари нари гёда туксамба вāха=ни мама дэптэбuddб́ни.*

чб́чи тари нари гёда туксам=ба вā=ха=ни мама
потом тот человек один заяц=Асс убить=Past=3Sg старуха
дэптэ=бuddб́ни
есть=Sup=Poss3Sg

‘Потом тот человек одного зайца убил, чтобы старуха поела’ [Новикова, 1950, с. 4–26] (букв.: для еды старухи).

5. Обстоятельства недостигнутой цели

Обстоятельства недостигнутой цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами «несостоявшегося действия» или «недостигнутой цели».

5.1. Семантика обстоятельства, выраженного посессивной конструкцией, в которой позицию «обладаемого» заполняет существительное недостигнутой цели, может быть условно охарактеризована как отрицательная причинно-целевая: основное действие осуществляется, чтобы добавочное действие, выраженное обстоятельством, не могло произойти. Полных смысловых аналогов таким обстоятельствам орокского языка в русском нет: обстоятельство указывает на намерение, которое не имеет возможности осуществиться из-за действий субъекта (субъектов). Довольно условными семантическими эквивалентами в русском языке являются сложноподчиненные предложения с придаточными уступки или цели отрицательной семантики. В предикативной конструкции обстоятельство недостигнутой цели занимает позицию начала предложения. Например:

(22) *Мин нэнуңэјзиви мапа угдаби эсини бурэ.*

мин нэну=нэјзи=ви мапа угда=би
мой уехать=SupNeg=Poss1Sg старик лодка=Acc/PossRefl
э=си=ни бурэ
дать=AUX:Neg=Pres=3Sg

‘Я собралась уехать, старик лодку не дает’ [Новикова, 1950, с. 4–36] (букв.: для моего не-отъезда = чтобы я не уехала).

(23) *Син у(н)=нэјзи=си нарисал чипал нэнууэчи.*

син у(н)=нэјзи=си нари=сал чипал нэну=үэ=чи
твой говорить=SupNeg=Poss2Sg мужчина=Pl все уйти=Past=3=Sg

‘Потому что ты собирался <что-то> сказать, все мужчины ушли’ [Новикова, 1950, с. 4–39] (букв.: для твоего не-говoreния = чтобы ты <ничего> не сказал’).

Можно предположить, что данные конструкции являются достаточно архаичными, о чем свидетельствует их отсутствие в других тунгусо-маньчжурских языках ныне (их заменили, например в нанайском языке, конструкции с отрицательными деепричастиями цели) [Аврорин, 1961, с. 171] и низкая частотность их использования в орокских фольклорных текстах, записанных Т. И. Петровой и К. А. Новиковой в 40–50-х гг. XX в., в пору активного функционирования орокского языка как языка межнационального общения на северном Сахалине [Новикова, 1950, с. 1–18], но именно в них наглядно демонстрируется специфика орокского языка, ориентированного на экономное использование языковых средств для выражения различных смыслов, что часто делает невозможным подбор эквивалентов в русском языке, осложняя или вообще исключая структурно-семантическое соотнесение синтаксических единиц языков типологически различных систем.

Выводы

Основной проблемой при сопоставлении языков типологически различных систем остается проблема понимания, которая напрямую связана с механизмами эквивалентного выражения смысла как в структурном, так и в семантическом плане.

Описание осложняющих обстоятельств в орокском языке, выраженных посессивными конструкциями с отглагольными именами «сложной семантики», позволило выявить и описать их инвентарь, а также уточнить семантический и функциональный статус как «особых глагольных форм», так и возвратных деепричастий: все эти конструкции выполняют в предложении только функцию обстоятельства.

Осложняющие обстоятельства с отглагольными именами и возвратными деепричастиями в орокском языке допускают соотнесение синтаксических ролей (5 форм отглагольных имен и 5 форм возвратно-притяжательных деепричастий), дифференцируясь по отношению к основному действию, осуществляемому одним или различными субъектами.

Все осложняющие обстоятельства с отглагольными образованиями «сложной семантики», независимо от своего семантического разряда и временных показателей предиката, указывают на относительную привязанность как главного, так и зависимого действия к реальному времени: события в них происходят, будут происходить или происходили как бы *вне* времени речи. Можно предположить, что отглагольные именные формы «сложной семантики» изначально были формами эвиденциальными.

Структурные отличия осложненного простого предложения в орокском языке и семантически эквивалентных русских полипредикативных сложноподчиненных конструкций основываются на использовании для выражения отношений зависимости различных средств: подчинительных союзов, связывающих предикативные части в составе сложного предложения в русском языке, и синтаксической связи отражение, основанной на наличии в тунгусо-маньчжурских языках категории притяжания, оформляющей посессивные конструкции обстоятельственной семантики с отглагольными именами: симультивом, консессивом, супином, кондиционалем и возвратно-притяжательными деепричастиями, по сути являющимися именами существительными. Монопредикативные в структурном плане предложения орокского языка с обстоятельствами, выраженными конструкциями с отглагольными именами, являются семантически сложными, полипропозитивными, соответствующими русским полипредикативным сложноподчиненным предложениям.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.; Т. II. 1961. 294 с.
- Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск, 2001. 400 с.
- Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988. 134 с.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 288 с.
- Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 109–128.
- Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998. 320 с.
- Мальчуков А. Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999. 257 с.
- Новикова К. А. Эвенский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 88–109.
- Озолия Л. В. О структурной и семантической соотносимости грамматических единиц языков типологически различных систем. Ч. IV. Система отглагольных образований: причастие, деепричастие, особые глагольные формы (на материале орокского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 211–221.

Озолина Л. В. Обстоятельство в тунгусо-маньчжурских языках: структурно-семантический аспект. I. Обстоятельство места // Языки и фольклор коренных народов Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 139–153.

Озолина Л. В. Обстоятельство времени в нанайском и орокском языках: структурно-семантический аспект // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 235–253.

Певнов А. М. Деепричастия на -ми в эвенкийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 23 с.

Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 107 с.

Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 155 с.

Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.

Сунник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. 407 с.

Список источников

[Новикова, 1950] – Архив К. А. Новиковой: полевые записи в 4-х тетрадях, сделанные во время экспедиции 1949–1950 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

[Озолина, 1989] – Архив Л. В. Озолиной: полевые записи в 6 тетрадях, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

References

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, Vol. 1, 1959, 282 p.; Vol. 2, 1961, 294 p. (In Russ.).

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 683 p. (In Russ.).

Ozoliny L. V. O strukturnoy i semanticheskoy sootnosimosti grammaticheskikh edinit yazykov tipologicheskikh razlichnykh sistem. Ch. IV. Sistema otglagol'nykh obrazovaniy: prichastie, deepriichastie, osobye glagol'nye formy (na materiale orokskogo i russkogo yazykov) [On the structural and semantic correlation of grammatical units of languages of typologically different systems. Pt. IV. The system of verbal formations: participle, gerund, special verbal forms (based on the Oroch and Russian languages)]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 211–221. (In Russ.).

Ozoliny L. V. Obstoyatel'stvo vremeni v nanayskom i orokskom yazykakh: strukturno-semanticheskiy aspekt [Adverbial modifier of time: structural and semantic aspect]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 235–253. (In Russ.).

Ozoliny L. V. Obstoyatel'stvo v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: strukturno-semanticheskiy aspekt. I. Obstoyatel'stvo mesta [Adverbial in the Tungus-Manchu languages: structural and semantic aspect. I. Adverbial of place]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 1, pp. 139–153. (In Russ.).

Pevnov A. M. *Deepriichastiya na -mi v evenkiyskom yazyke* [Germs in -mi in the Evenki language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1980, 23 p. (In Russ.).

Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1941, 107 p. (In Russ.).

Petrova T. I. Yazyk orokov (ul'ta) [Oroch (ul'ta) language]. Leningrad, Nauka, 1967, 155 p. (In Russ.).

Sunik O. P. *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh. Morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova* [A verb in the Tungus-Manchu languages. Morphological structure and system of forms of the verb word]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1962, 363 p. (In Russ.).

List of sources

Arkhiv K. A. Novikovoy: polevye zapisi v 4-kh tetradnyakh, sdelannye vo vremya ekspeditsii 1949–1950 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of K. A. Novikova: field notes in 4 notebooks made during the 1949–1950 expedition to northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk].

Arkhiv L. V. Ozolini: polevye zapisi v 6 tetradnyakh, sdelannye vo vremya ekspeditsiy 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of L. V. Ozolina: field notes in 6 notebooks made during expeditions in 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 on northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Novosibirsk].

Условные обозначения

1 – 1-е лицо; **2** – 2-е лицо; **3** – 3-е лицо; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – имя прилагательное; **ADV** – наречие; **AUX:Neg** – аналитическая отрицательная форма глагола; **COND** – кондициональ; **CONS** – консессив; **FUT** – будущее время; **LAT-DAT** – направительно-дательный падеж; **INTR** – вводная конструкция; **LOC I** – местный I падеж; **PART** – частица; **PAST** – прошедшее время; **Pl** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **PRES** – настоящее время; **POSS** – консессивность (притяжание); **POSSInd** – косвенная принадлежность; **POSSRefI** – возвратное притяжание; **Prt2** – предикативное причастие обычности (регулярности) действия; **SD** – превосходная сравнительная степень прилагательного; **Sg** – единственное число; **SIM** – симулятив; **SUP** – супин; **SUP Neg** – имя недостигнутой цели.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.02.2023*

Сведения об авторе

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

Information about the Author

Larisa V. Ozolina – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 801.81:398.21 + 811.511.142
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях

В. Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Впервые проводится анализ знаков смерти на базе хантыйского материала, дается лингвосемиотическая классификация данных знаков, предпринимается попытка охарактеризовать смыслы и значения знака смерти в повествовательном фольклоре. Исследование знаков смерти позволяет охарактеризовать древнейшие фундаментальные представления ханты о мироустройстве, выявить источники представлений о смерти, закреплённые в хантыйской языковой картине мира, и проанализировать отношение к смерти как к одному из основных феноменов бытия. Результаты исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении феномена смерти в лингвистике, лингвокультурологии, лингвосемиотике (или изучении жизни как тесно связанного со смертью феномена).

Ключевые слова

хантыйский фольклор, лингвосемиотика, знак, смешанные знаки, языковая картина мира, ключевое слово, феномен смерти

Для цитирования

Соловар В. Н. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 39–48.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends

V. N. Solovar

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the phenomenon of death through Khanty folk tales, legends, and *bailichkas*. The necessity of characterizing the death phenomenon – the structure of death signs, their sources, their occurrence in texts – is substantiated, and a brief analysis of the scholarly literature on the subject in question is provided. Death is commonly addressed in folklore, except in children's fairy tales, where death is portrayed more discreetly. The death signs are

© В. Н. Соловар, 2023

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

described within the classification of the American specialist in semiotics, C. S. Pierce, also considering the experience of D. A. Pisarenko, who systematized the death signs in the Russian folk tales. Folklore texts feature the death theme when the protagonist encounters hostile spirits, fights enemies, or meets dead people. This theme has its specific place in various folklore genres, with its signs classified by certain plot types. Found in the texts are indirect signs of death not referring directly to death, but only hinting at it. The analysis of four bailichkas reveals the deeds of aggressive deceased persons representing the death signs together with the coffin, bones, a deserted camp, and cut hair. Four types of mixed death signs have been found: (1) “index + icon” signs associated with personal knowledge about biological death and reflecting the external death signs; (2) “index + symbol” signs associated with death through funeral rites; (3) “symbol + index” signs represented by one sign – “lower world” – reflecting the religious views of a person, (4) “symbol + index + icon” signs, most ancient and semantically ambiguous signs.

Keywords

Khanty folklore, linguosemiotics, sign, mixed signs, linguistic picture of the world, keyword, phenomenon of death

For citation

Solovar V. N. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v hantyskikh narodnykh skazkakh i predaniyakh [Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends] *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 39–48. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Введение

Интерес современной лингвокультурологии вызывает разноаспектное исследование языковой картины мира разных этносов – мироустройства, мировосприятия, отражаемого в языке. Познание языковой картины мира проводится путем метаязыковой рефлексии с помощью анализа так называемых ключевых слов, или ключевых идей, – «культурно значимых слов-концептов» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012].

Феномен смерти определяет развитие духовно-нравственной культуры народа, поэтому он вызывает неизменный интерес, этим обосновывается актуальность настоящего исследования.

Применяемый в исследовании лингвосемиотический подход дает возможность изучить структуру знаков смерти, их источники (мифологические, научные, религиозные, бытовые), частотность обращения к тому или иному знаку в тексте сказок.

Смерть относится к числу базовых, инвариантных для многих языковых культур бытийных феноменов; изучение феномена смерти в хантыйском языке позволяет охарактеризовать основы духовно-нравственной культуры хантыйского народа, ценностные ориентиры фольклорной картины мира. Персонажи загробного мира на северо-русском материале рассмотрены в монографии И. А. Разумовой [1993]. На материале хантыйского языка концептосфера *ЖИЗНЬ* и *СМЕРТЬ* описана Н. Б. Кошкаревой в коллективной монографии [Жизненное пространство..., 2021, с. 197–207]. Образы мифологических персонажей *Торума* и жителя подземного мира *Хинь ики*, образ лесного злого духа *Кирп нюлуп ими*, образ культурного героя *Ими хилы* в хантыйских народных сказках и мифах, образы лесных духов *Пун верты ими* ‘Женщина, делающая жилы’, *Мэнков* и других рассматривала С. Д. Дядюн [2015, 2021а, 2021б, 2022]. Особенности мировосприятия хантыйского народа, представления о ключевых для хантыйской языковой картины мира идеях в полном объеме можно изучить на фольклорном материале, а именно на основе текстов народных сказок, преданий, быличек.

Тема смерти в хантыйском фольклоре представлена достаточно широко. Она отсутствует в сказках, предназначенных для маленьких детей, или появляется там вскользь, завуалированно, так, чтобы не травмировать детей. Это объясняется, на наш взгляд, традиционными языческими представлениями о многобожии, наличии большого количества враждебных человеку духов, которые могут нанести человеку вред. Поэтому в традиционном обществе существовала система запретов. Знакомство с запретами происходило и через устное народное творчество, которое легко усваивалось и позволяло человеку традиционного общества быть осторожным в быту, уважительно относиться к духам, стараться удерживать психологическое равновесие. От осторожного поведения человека зависела его жизнь.

Результаты и обсуждение

Лингвосемиотический анализ хантыйских народных сказок выполнен на основе классификации знаков американского ученого-семиотика Ч. С. Пирса [2009]. Он выделил три основных вида знаков: «Во-первых, подобия (likenesses), или иконы (icons), которые выполняют функцию передачи идей и

репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют указатели (indications), или индексы (indices), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними... В-третьих, существуют символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (meanings) благодаря привычке» [Пирс, 2009, с. 89]. К наиболее совершенным Ч. С. Пирс относил смешанные знаки, которые включают два или три вида знаков; именно знаки смешанной природы репрезентируют языковую картину мира человека: «Во всех рассуждениях мы употребляем смесь подобий, индексов и символов. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван символом, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер» [Там же, с. 94]. В данном исследовании учтен опыт Д. А. Писаренко, которая выявила и систематизировала знаки смерти на материале русских народных сказок [2019, с. 247–253].

Материалом исследования послужили сборники сказок, преданий, бытовых рассказов, в которых встречаются символы смерти или сюжеты о поведении мертвецов и покойников. Для выявления знаков смерти использовано несколько источников: сказки «Сорњи лов» = «Золотой конь» [Сказки народа ханты, 1995, с. 21–25], «Хӕнты моӕщ» = «Хантыйская сказка» [Там же, с. 111–125], «Вӕнт утӕт олӕжӕн» = «О лесных существах» [Вагатова, 1996, с. 4–5]; «Ими шанш ух пӕты эвӕлт вӕлты Моцхӕ» = «Моцхо из колена женщины», «Ай Нерум хо» = «Молодой мужчина из тундры» [Там же, с. 73–88]; «Ай моцхӕ» = «Молодой мужчина *моцх*» [Steinitz, 1989], «Хутым йивпох» = «Три брата» [Ленин пант хуват, 1958, № 75], «Холум ворт» = «Три богатыря» [Ленин пант хуват, 1984, № 37], «Тон-тон имеӕн-икеӕн» = «Жена и муж Тон-тон» [Земля Кошачьего Локотка, 2001, 133–136], «Ялань» = «Ялань» [Там же, 159–163], «Ими хилы па меӕк» = «Внук женщины и *мӕнк*» [Там же, с. 153–158], «Ратпар хӕ, хишпар хӕ» = «Мужчина *ратпар-хишпар*» [Там же, с. 150–153], «Ими хилы» = «Внук женщины» [Там же, с. 140–144], «Хинь ики» = «Мужчина *Хинь*» [Сенгепов, 1994, с. 38–42], «Лӕмӕщ» = «Ломаш» [Там же, с. 57–94].

Тема смерти и осторожного поведения регулярно появляется в начале многих фольклорных произведений, в которых действующему лицу дается наказ, чего делать нельзя; однако наказ нарушается, за этим следует наказание – смерть (или угроза смерти, которой герой может чудом избежать). Тема смерти сопровождает героя при встрече с враждебными духами, в сюжетах о борьбе с завоевателями, недругами или в сюжетах о встрече с мертвецами и покойниками. Если, например, речь идет о культурном герое *Ими хилы*, то в самом начале сказки тетя сообщает ему, куда нельзя ходить, но культурный герой всегда нарушает предписания и делает все по-своему, балансируя между жизнью и смертью; подробно его похождения рассматривает С. Д. Дядюн [2021a].

Однако только в быличках о мертвецах и покойниках смерть становится центральным сюжетом: такие фольклорные произведения учат жить по обычаям предков, чтобы предостеречь молодое поколение от непредвиденных обстоятельств, которые могут привести к беде и смерти.

В быличках и преданиях речь о покойнике или мертвце может начинаться с зачина и завершаться в концовке [Ленин пант хуват, 1958, 1984; Щащем моньщӕт, 2011; Ра́рау, 1992]. В преданиях о враждебных духах герою намекают об опасности в зачине или в завязке текста. В сказках о богатырях тема смерти появляется в завязке или кульминации, так как богатырь сначала проходит испытания, борется с врагами и только ближе к развязке он или погибает, или его оживляют.

Описание смерти зависит от типа сюжета. Так, в богатырских сказках имеются знаки смерти: стрела, кровь, череп на вершине лиственницы – священного дерева; упоминается о том, что богатырь упал (т. е. был убит), или семеро проломили кольчугу героя, или он вскрикнул один лишь раз страшным голосом, или тело его, как кровавый сверток тундрового вóрона, прострелено (в этом случае используется эвфемизм). Прямого указания на смерть в текстах обычно не встречается. В сказках о богатырях нет действующих лиц – покойников или мертвецов. Если богатырь умирает, то его могут оживить помощники (родственники) или другие богатыри (братья). В отличие от быличек, где говорится о том, что кости героя валяются где-либо как попало, в сказках о богатырях даже враги не позволяют себе отрицательно комментировать смерть своих врагов. Во всех текстах смерть героев не является естественной, в сказках богатыри погибают в бою; в быличках смерть наступает в результате неосторожности или, чаще, как воздаяние за нарушение запрета.

В фольклорных текстах на хантыйском языке часто встречаются косвенные знаки смерти, которые не указывают на смерть прямо, но являются как бы ее предвестниками или косвенными признаками наступившей смерти. В сказках они могут обозначать угрожающие намерения каких-либо действующих

щих лиц, например: *Мйнэм ай мосты хуйат ки, сэй тэхтан хэрэла мншаалэн, хиш тэхтан хэрэла мншаалэн!* 'Если ненужный мне человек, разорвите его на мелкие кусочки (букв.: как песчинки песка)'¹; *Не сапэл сэвэрти хэрийа, хэ сапэл сэвэрти хэрийа тувалэн* 'Уведите его на поляну, где отрубает головы (букв.: шею) женщин, где отрубает головы (букв.: шею) мужчин'; *Самал-мухлэл тыв тувалэн* 'Сердце-печень его сюда принесите'; *Вуйэмтты эвэлт алты кэшийэн шөпи сэвэрмэ* 'Когда он уснет, разрубь его пополам'; *Ух путалэл цайха акарэн-ворэшэн ат алтыйэлла, пурман-йунтман ат тотлялы* 'Голову его потом пусть собаки-коршуны носят, грызая-играя, пусть таскают' [Steinitz, 1989, с. 389–407].

О смерти героев в сказках прямо не сообщается, но указывается способ потери жизни: *Телан сува, ньэлэн сува пйтэла мурта мирыйэ навтылэс* 'На дно полного желудка=его, прожорливого желудка=его довольно много людей отправлял (букв.: ронял)'; *Там йаухмем, хөлмит сот – ньивэл сот ханнхө йухи лесэм* 'Когда ходил сейчас, триста-восемьсот человек я съел'; *Нйу йүвтэм картау ньол илпэна, тухлэн ньол илпэна наватмэнэн, цирэн хуты йөр вөсэн* 'Ты ведь был сильным, когда уронил меня под пущенную тобой железную стрелу, крылатую стрелу'; *Хөлэм хө и ньол вэйэн цайта ци хайцэсат* 'Три человека на одном древке стрелы там и остались'; *Вошэн тэп ар мирэл, көртэн тэп ар йохэл сэй тэхтан, хиш тэхтан хэрэла вермал* 'Всех людей города, всех людей поселка разметал, как песчинки песка (букв.: сделал песчинками песка)'; *Ци хөлэн сусэл вэйэн, йөр вэйэн и ньол йүвэтэл, йау хө, хөс хө и ньол вэйа кэрэтэл, хөс хо и ньол вэйа нөрэтэл* 'В этот момент он выпустил стрелу с крепким древком, десять мужчин, двадцать мужчин на одно древко насадил, двадцать мужчин на одно древко нанизал' [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

Для хантыйского фольклора типично повествование о покойниках, их делах и поведении, что рассмотрено на материале четырех текстов: «Кят хө вэлпэслэты мәнлэнэн» = «Двое мужчин пошли на охоту» [Рáрау, 1992], «Покинутые юрты», «Кладбище и амбар» [Лукина, с. 185–186], «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» [Щащем моньцэт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Покинутые юрты» рассказывается о том, как мужчина вернулся с охоты и нашел оставленное стойбище, что символизирует смерть. В доме его встретила умершая жена, но предупредила, что он должен быть с ней до рассвета. Она вымыла ему голову и завязала его волосы в узел, что является знаком потустороннего мира [Лукина, 1990, с. 524]. Один узел был символом удачи на охоте, второй обозначал долголетие. Но муж нарушил запрет и ушел. Жена-покойница догнала его и отрезала ему волосы с узлами (знак лишения его души). В наказание он прожил всего несколько дней и умер.

В быличке «Кладбище и амбар» [Там же, с. 185] два товарища едут мимо кладбища, один ночует на кладбище, а второй рядом – в амбаре. От ночевавшего в амбаре остались только кости. Он нарушил запрет: нельзя ночевать в оставленных избах и амбарах.

В быличке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» мужчина отправляется на охоту, вечером возвращается в свою лесную избушку, а там стоит гроб. По ночам из гроба встает покойник, ведет себя как человек; они идут с мужиком в гости к соседям. Там покойник втыкает гвоздь в горло одного мужчины и пьет кровь. После этого сосед заболел, однако его спасает мужик, вытаскивает из него гвоздь днем, пока покойник спит в гробу. Они вместе сжигают дом, где стоит гроб с покойником. Но покойник проклинает мужика за содеянное, и летом этот мужик утонул в реке [Щащем моньцэт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Кят хө вэлпэслэты мәнлэнэн» = «Двое мужчин пошли на охоту» повествуется о том, как во время охоты один из мужчин заболел и скоропостижно умер. Перед смертью он просил товарища уйти домой, но тот не ушел. Ночью покойник встает и намеревается его убить, но мужчина убеждает в оставленное стойбище, которое находится поблизости. Там он наткнулся на другого мертвеца, испугался, что они вдвоем сожрут его, но второй мертвец решил ему помочь, он выходит из помещения, борется с пришедшим мертвецом, зовет на помощь мужика, вместе они справились с покойником-товарищем. Затем мертвец сообщает, что хочет есть, что снова приводит мужика в состояние страха. Но мертвец его не трогает, а сажает мужика на спину и летит с ним по воздуху до следующего стойбища. Они попадают в жилище, но окружающие люди их не видят. В доме мертвец втыкает острый предмет в шею больного человека, кровь льется в сосуд, он ее пьет. Мертвец предлагает му-

¹ Здесь и далее перевод с хантыйского языка (в том числе в транскрипции [Steinitz, 1989; Рáрау, 1992]) фрагментов фольклорных текстов, взятых из разных источников, осуществлен автором статьи.

жику выпить крови, однако тот отказывается. В это время наступает рассвет, и мертвец исчезает, а мужчина спасает больного. В этой быличке мы наблюдаем противостояние двух мертвецов. Второй мертвец выполняет функцию помощника, и лишь благодаря ему мужчина остался жив.

Во всех четырех текстах мертвецы ведут себя агрессивно по отношению к людям и наносят им вред. Человек же испытывает страх перед ними, как перед представителями иного мира. Знаками смерти в быличках являются сами мертвецы, гроб, кости, оставленное стойбище, обрезанные волосы.

В изучаемых нами текстах сказок и преданий представлены смешанные знаки, совмещающие два или более типов (знак, находящийся на первом месте, преобладает): индекс + икона; индекс + символ; символ + индекс; символ + индекс + икона.

К смешанному знаку «индекс + икона» относятся такие знаки, которые совмещают прямое указание на смерть и изображение смерти или ее признаков.

К одному из самых распространенных знаков типа «индекс + икона» относятся *кости*. В хантыйской языковой картине мира кости символизируют основу человеческого тела, его материального состава. Кости связаны со смертью причинно-следственными отношениями, то есть по смежности, индексально (скелет – то, что остается от человека после его кончины); также кости являются прямым изображением смерти персонажа, то есть соединяются с ней иконически. От умерших сказочных героев обычно остаются только косточки, скелет: *Сесэн нух вортсэһэн па ин ай икилэһкэл ван-тыйэл* – *хэһты лүв шүкэн сесэл тэһэнмэл* ‘Они поставили слопец², и мальчик видит: слопец наполнился, оказывается, человеческим костями’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 118]; *Шци эвэлт, шцита хэһнэхэ лүвэт уллэт* ‘Оказывается, там кости человека лежат’; *Уһеһэлэм ширэн шци мэһлэн, хот лаһэлэн лүв кэрлэн төһ уллэт, лыйман па хуламан* ‘Тогда вы сестер моих отдали, на крыше только их кости лежат, сгнили и умерли они’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 135, 136].

Человеческие кости и черепа в сказке могут предостерегать героев от опасности или смерти, но каждый герой сам решает, как ему быть. Так, в сказке «Тон-тон имеһэн-икеһэн» = «Жена и муж Тон-тон» две сестры не слушают предупреждающего крика птицы: *Кэһт күт шэв-шэв! Йэһлы мэйһты йөһэн – нуви, йухи мэйһты йөһэн – пэһлам* ‘Между двумя промежутками (пути) шэв-шэв! Твой путь следования вперед – светлый, путь возвращения – темный’. Они идут в гости, не обращая внимания на то, что на крыше дома лежат кости: *Шцэһта лүви кэрлэл хот лаһэһа вуһкэһыйэт* ‘Затем скелеты на крышу бросают’. Поэтому две сестры погибли, а третья обратила внимание на эти знаки, вернулась обратно домой и осталась жива [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 133–136].

В сказке о лесных духах женщина нарушает запрет, поэтому приходит дух леса и наказывает ее: *Тум имэл һавреһмэл пиһа иһа шйһийэмэт. Аһкэл шйһэһи аһкэһа ух пөһихэл шив омсэлтам* ‘Ту женщину с детьми обглодали (лесные духи). Голову матери на столбик нар поставили’ [Моньшэт па путрэт, 1996, с. 5]. Этот знак является предупреждением для тех, кто нарушает запреты.

Лесной дух *Мэһк* предлагает молодому человеку зайти в охотничью ловушку: *Йа, хыһыйэ, тэм сесэһа лунэтлэһэн ки, тум хэһты лүв шүкэт йира вүһэн ки* ‘Ну, внучек, вошел бы ты в этот мой слопец, те человеческие кости убрал бы’; но герой понимает уловку опасного лесного духа, не поддается на его коварный замысел и поэтому побеждает его [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 209].

В сказках о богатырях мальчика предупреждают об опасности увиденные им на вершине трех лиственниц три черепа: *Мэһтырэн, хэһэм ух пөһих нух – наһк тыйэта йөһтэмэт* ‘Оказывается, три черепа наверх, на вершины лиственниц повешены’ [Сенгепов, 1994, с. 70]. Но будущего воина это не пугает, он растет, набирается опыта и вскоре отправляется в путь, чтобы отомстить врагам.

В быличках распространенными являются знаки *хэһа* ‘мертвец’ и *мертвое тело*, которое прямо не называют, вместо этого используют слово *ут* ‘предмет’, о смерти могут сказать «вытянулся», имея в виду положение тела после смерти. Два этих знака, отнесенных нами к одной группе, по своей семантике различаются. Мертвое тело – видимый, эмпирически познаваемый знак смерти, связанный с ней по смежности и прямо изображающий ее. Мертвое тело свидетельствует об окончательной кончине человека. Окостеневший покойник в тексте былички сравнивается с неподвижным твердым предметом: *Хэһты хөйэл хэһайэл пэһа аһкэрмэһ: вуһлы вөһт йөһа, вүр йөһа потэм* ‘Мужчина ханты взглянул на мертвеца: тело замерзшее, как лесное дерево’ [Рарау, 1992, с. 144].

² Слопец – ловушка из брёвен, которую ханты используют для ловли боровых птиц, лис, песцов.

В сказках о богатырях упоминаний о покойниках или о мертвом теле нет, лишь завуалированно говорится, что он упал (*рăкнэс*), упал без сознания или уронил на лед врагов: *Имудыйэн айн пăкэс, па лаь йэцалт шөшэм ширэлэн, сацлы цив рăкнэс* ‘Наконец он не выдержал, как шел навстречу войску, упал без чувств’; *Ас хур лай кăлы, вур кăлы увелатэм артэн, ин вөн йай ики төтльэм сот хөйэл ас йежк өхтыйа ци павэтсэлэ* ‘Когда по руслу большой реки потекла темная кровь, красная кровь, он повалил на лед большой реки сто мужчин, приведенных старшим братом’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

К внешним – видимым, ощущаемым, осязаемым – признакам кончины относятся *неподвижность*, в том числе в сочетании с другими телесными проявлениями смерти (окошение, холодное тело, молчание), например:

– отсутствие движения: *Шив рăкнэм тăхэлэн айн па нухлыьэс* ‘Там, где он упал, он больше не шевелился’ [Steinitz, 1989, с. 417];

– поза, специфическая для мертвеца: *Ин утал тўна питамэн, ин ампи өхэл кирэс* ‘Когда тот упал, вытянувшись, он запряг собачью упряжку’ [Моньцэт па путрэт, 1996, с. 5];

– холодное тело: *Лөма кўш луэсмэл, (ин хөйэл) потэм. Малысьйэллэлэ: ици хăла* ‘Влез он в яму для хранения продуктов, (этот мужчина) холодный. Ощупал он его: тоже мертвец’; *Ат потэм йежк хăла хуца вұратмем, ат потэм лоньци хăла хуца вұратмем* ‘Я залез к ледяному мертвецу, замерзшему за ночь, залез я к снежному мертвецу, замерзшему за ночь’ [Рарау, 1992, с. 142].

Покойники или мертвецы, появляющиеся в сказке, ночью начинают вести себя как живые: двигаются, разговаривают. Так, в сказке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» рассказывается о том, как мужчина пошел на охоту и решил заночевать в своей лесной избушке. На полу оказался гроб. Ночью мертвец садится в гробу, потом они вместе едят. Когда начинает светать, мертвец падает в гроб: *Ин хуйэл, нөвия йиты питэл, па ци шопам рăкэнэл* ‘Этот мужчина, как только начинает светать, опять в гроб падает’; глагол *рăкэнтэ* ‘упасть’ также иносказательно указывает на смерть мертвеца [Щацем моньцэт, 2011, с. 100–103].

В другом тексте встречается фрагмент, который явно заимствован из русских сказок и связан с христианским представлениями о смерти: на рассвете, с пением петухов мертвец исчезает: *И мулт иишэн циицкүрэк ци ўвал, ин хăлайэл, төп ов щăры љататыйэс, ин па хулна мăнэл* ‘В какой-то момент петух закричал, мертвец, только петли двери щелкнули, и сейчас уходит’ [Рарау, 1992, с. 146].

Мотив нарушения целостности мертвого тела богатыря в хантыйских народных сказках обозначает невозможность возвращения к жизни, поэтому в тексте может появиться заклинание врага, а также действия, способствующие этому, или, наоборот, действия помощника-спасителя: *Тăм питэм лотэнэн лўвлан-нухилан хөлэхэн-войэн ара ат аллайэт* ‘В этом месте, куда ты упал, кости-мясо твое вóроны-звери пусть растащат’ [Вагатова, 1996, с. 50]; *Ай шўка сэвэрсэ, нухи шўкжал мăлэна шошэмсайэт* ‘Разрубили его на мелкие куски, куски мяса вывалили в озеро’ [Steinitz, 1989, с. 401]; *Ай пулаха сэвэрэм нухи шўкжал* ‘Кусочки мяса, разрубленные на крошки’; *Нухи пўллаь йăха рăхэллэлэм* ‘Кусочки мяса=его соединю (т. е. спасу его)’ [Там же, с. 403].

Знаком смерти является также гроб или смертный одр: *Вунт хотэлэн хот хăрэн шопам омэсэл* ‘В лесном доме на полу стоит гроб’ [Щацем моньцэт, 2011, с. 100]; *Йўха версэл, вөнта төсэл, ци хăйсэл* ‘Они положили его в гроб (букв.: в дерево сделали), унесли в лес, оставили’; однако при описании богатыря его смертный одр сравнивается с колыбелью, в которой он лежал в мягкой древесной трухе: *И сем төй и сем кўль вөлтыйлэм лепэт полтэп полтэу онтэп эвалт хуйэн сэжкэтсайэм?* ‘Из колыбели с мягкой древесной трухой, в которую меня уложил одноглазый, с ячменем на глазу бог смерти, кто меня разбудил?’ [Steinitz, 1989, с. 404].

Сонный человек уподобляется мертвому. Знак связан со смертью по смежности (сон – переходное состояние, близкое к смерти; спящий человек находится на границе двух миров) и иконически (спящий или сонный внешне подобен мертвому): *Йўха версэл, вөнта төсэл, ци хăйсэл. Щиты утал ка-ша, нух ци верлэс* ‘Положили его в гроб, унесли в лес, оставили. Так лежал он и проснулся’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 120].

Знаки *сорока* и *вóрон* являются парными, они являются символами смерти героя на поле битвы: *Лылем ки айн этэл, тăм ким этты тăхемэн, сав леты, хөлэх леты хăреу көрт хăрема ци питлэм* ‘Если не выживу (букв.: если дыхание не выйдет), когда выйду на улицу, упаду во дворе на съедение сорокам и вóронам’ [Вагатова, 1996, с. 86].

Знак *кровь* в хантыйской картине мира символизирует жизнь и здоровье человека, однако в фольклорных текстах кровь может иметь и противоположный смысл – стать символом смерти и болезни. Так, В. Я. Пропп отмечает, что в предметах заключена часть души персонажа [2000, с. 166]; именно поэтому их должны охранять кровные родственники (обычно братья). В хантыйских сказках кровь льется из стрелы, принадлежащей герою, это указывает на уже свершившуюся или подстерегающую персонажа смерть: *Нынан ньолэн хайлэлам, вантылаэн, кайлы семэн этты ки питэл, цирэн мэнэт кайшалэн, цирэн, алпа, хутащ иилэм* ‘Я оставлю вам стрелу, посматривайте, если будет капать кровь, тогда ищите меня, тогда, наверное, что-то случится со мной’ (герой еще жив, но уже находится при смерти); *Имэлтыйэн йайэн ньол шивалэслэн, хонтты щайта кайлы посымап на хувэн нух сормал* ‘Однажды они увидели стрелу брата, когда-то оттуда капала кровь и давно высохла’ [Ленин пант хуват, 1958, № 75]; *Хөйэт должи лотэта лай кайлы, вур кайлы увлатсэт* ‘Там, где стояли мужчины, свежая кровь, алая кровь потекла’ [Вагатова, 1996, с. 86]; *Мяттырэн, ин сот хө йувэтьям картап ньол, вэйап ньол ньулмэтэн икэл вантлы хур, вөлы хур навтэм; луватталэн лай вүра, пит вүра навтэм* ‘Оказывается, железные стрелы, выпущенные сотней мужчин, наконечники стрел с древками сделали лицо ее мужа таким, что на него нельзя было смотреть, оно стало неузнаваемым; весь он был в свежей крови, темной крови’; *Ханнэхө эвалт кайлы сем, пошэх сем ант навтыйэлсэмэн* ‘Не трогали мы человека’ (букв.: от человека каплю крови, кровинку не роняли) [Там же, с. 86].

Знаком беды или смерти может быть не только стрела с кровью, но и сломавшаяся стрела: *Мяна, муй па щит ньол вэйем шөпа хайц ши питэл* ‘Надо же, неужели древко стрелы чуть не распадается пополам’; *Йа, сорьесу вэйап вунтап ньолем вөсэн, ай апалем хулна лылэн ки – кайлыа кавэрма, ай апалем лылэн ки йнтөм – кайт шөпа райна* ‘Ну, моя с золотым древком граненая стрела, если мой младший брат еще жив, покройся обильно кровью, если мой младший брат не жив, распадись на две части’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37]. Знаком надвигающейся опасности или смерти является пульсирование в левой стороне головы у помощников богатыря: *Ай үпэм пелла нөмэсты питлэм, атэм ух пелкем ши кем хайцэл* ‘Стану думать о младшем девере, бьет в висок с левой стороны (букв.: плохая сторона головы так ударяет)’; *Ма ищиты. Щивэл нөмэсты питлэм, атэм ух пелкем ши мурт сенкэл* ‘У меня так же. Начинаю об этом думать, в левую сторону головы так бьет’ [Steinitz, 1989, с. 402]; *Лув мулты верэл, и ламти, йуврайа мэнэс* ‘Какое-то дело у него неправильно пошло’ [Там же, с. 403]. Однако если в опасной ситуации пульсировало в левой стороне головы, то при намечающемся положительном исходе дела пульсация происходит в правой стороне головы: *Ма тайта омэстем кутэн, тайм майлэн пелла нөмэсты питлэм, йам ух пелкем ши кем хайцэл* ‘Когда я тут сижу, начинаю думать об этом озере, в правой стороне головы пульсирует (букв.: бьет)’ [Там же].

Дуализм, двойственная семантика некоторых знаков, символизирующих одновременно жизнь и смерть, здоровье и болезнь, является отражением аксиологической поляризации, характерной и для хантыйского языка, и хантыйской картины мира вообще.

Также можно выделить тип знака, совмещающий прямое указание на денотат и условную связь с ним, но в другом соотношении – **символ + индекс**. Символ здесь превалирует над индексом, является доминирующим, главенствующим.

Внешний облик большинства хантыйских сказочных героев в текстах не описывается. Так, встречается, например, лишь общее описание *Ялань* – мужского демона, который появляется на земле, но обитает под землей: *Щайта са карты милэн, карты хунэн Ялань нух этэс* ‘Оттуда появился Ялань в железной шапке с железным животом’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 160]; указывается его рост: *Луваттал-кайриаттал сот ол энмэм нохэр йүх луват* ‘Он размером-высотой как столетний кедр’ [Вагатова, 1996, с. 50].

Кирэп ньулэн ими ‘Женщина с плоским утиным носом’, она же *Хинтэн ими* ‘Женщина с кузовом’, обычно пытается извести мальчика – *Ими хилы* ‘Внука женщины’, но он всегда в этом поединке побеждает.

Мэнки в сказках предстают слепыми-глухими мужем и женой, указывается лишь, что мужчина *Мэнк* когда-то погубил много людей, в том числе отца и дядюшек *Ими хилы*. *Кирэп ньулэн ими* связана со смертью прежде всего через обряд инициации; она охраняет *Ил төрэм* ‘Нижний мир’ от Среднего мира (мира человека и животных), более подробно ее образ описан С. Д. Дядюн [2022, с. 150–155]. Все лесные духи вступают в единоборство с культурным героем, однако он всегда побеждает. Бог смерти *Хинь* упоминается только при встрече с богом *Торумом*.

Выводы

Итак, мы выделяем три типа знаков смерти в хантыйском фольклоре:

- 1) знак «индекс + икона»: кости (или другие части тела мертвого человека – головы, черепа, скелета); покойник, мертвое тело; неподвижность (часто сочетается с другими видимыми и воспринимаемыми органами чувств признаками смерти – окостенение тела, молчание); спящий человек; сорока, ворон; гроб; оставленное стойбище; обрезанные волосы;
- 2) знак «индекс + символ»: кровь, пульсирование в левой стороне головы;
- 3) знак «символ + индекс»: *Ил төрэм*, *Мув илти* 'Нижний мир';
- 4) знак «символ + индекс + икона». Все три типа знака – символ, индекс и икону – совмещают герои – персонификации смерти: *Хинь* 'Хинь', или *Куль* 'Куль' (бог смерти), *Кирэп ньулуп ими* 'Женщина с плоским утиным носом', или *Хинтэу ими* 'Женщина с кузовом', *Ййлань (ики)* 'Ялань (мужчина)', *Меук* 'Мэнк' (лесное существо большого размера, покрытое шерстью), *И сөрт пйлат хула-малы* 'Хула-малы ростом с одну пядь' и др.

Таким образом, в сказках представлено четыре типа смешанных знаков смерти. Знаки, относящиеся к группе «индекс + икона», связаны со знаниями человека о биологической кончине, отражают внешние признаки смерти. Знаки типа «индекс + символ» сопряжены со смертью через похоронную и погребальную обрядность. Группа «символ + индекс» представлена одним знаком – «Нижний мир», отражающим религиозные воззрения человека. Самые древние и неоднозначные в семантическом отношении знаки входят в группу «символ + индекс + икона».

Список литературы

- Дядюн С. Д. Образы духов в хантыйских быличках (на материале казымского диалекта) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.: Филологические исследования. Воронеж: Макс-Принт, 2015. Ч. 2. С. 182–190.
- Дядюн С. Д. Образ хантыйского героя Ими хилы (на материале традиционных формул в народных сказках) // Филологический аспект. 2021а. № 9 (77). С. 6–12. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/obraz-khantyjskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html> (дата обращения: 9.03.2023).
- Дядюн С. Д. Образы мифологических персонажей небесного бога и жителя подземного мира в хантыйских народных сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г.). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2021б. С. 78–84.
- Дядюн С. Д. Сказочный персонаж Кирп ньулуп ими в хантыйском фольклоре // Филологический аспект. 2022. № 3 (83). С. 150–155. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyjskom-folklore.html> (дата обращения: 3.03.2023).
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
- Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. № 3 (7). С. 88–95.
- Писаренко Д. А. Лингвосомиотические особенности знаков смерти в русских народных сказках // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 247–253.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 274 с.
- Разумова И. А. Сказка и быличка. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1993. 112 с.
- Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 58–71.

Список источников

- Вагатова М. К. Ай Нерум Хо. Маленький тундровый человек. Стихи и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с. (На хант. и рус. яз.).
- Земля Кошачьего Локотка = Кань Кунш Олжә / Сост. Т. Молданов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. Вып. 2. 244 с. (На хант. и рус. яз.).
- Ленин пант хуват (= По ленинскому пути). 1958, № 75; 1984, № 37. (На хант. яз.).
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с. (На рус. яз.).
- Моӵцәт па путрәт (= Сказки и рассказы). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пединститута, 1996. 68 с. (На хант. яз.).
- Сенгенов А. М. Касум ики путрат (= Рассказы старого ханты). СПб.: Просвещение, 1994. 175 с. (На хант. яз.).
- Сказки народа ханты / Сост. Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарева и др. СПб.: Алфавит, 1995. 143 с. (На хант. и рус. яз.).
- Щащем моӵцәт: Сказки моей бабушки / Сост. О. В. Хандыбина. Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2011. 165 с. (На хант. и рус. яз.).
- Pápay J. Ostják Hagyatéka. Regék és regetőredékek. Közzéteszi: Vértess Edit. Debrecen, 1992. 267 p. (На венг. и хант. (в транскрипции) яз.).
- Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Band III. 641 p. (На нем. и хант. (в транскрипции) яз.).

References

- Dyadyun S. D. Obraz khantyyskogo geroya Imi khily (na materiale traditsionnykh formul v narodnykh skazkakh) [The image of the Khanty hero Imi Hila (based on the material of traditional formulas in folk tales)]. *Filologicheskii aspekt*. 2021a, no. 9 (77), pp. 6–12. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/obraz-khantyjskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html> (accessed: 9.03.2023) (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Obrazy dukhov v khantyyskikh bylichkakh (na materiale kazymskogo dialekta) [Images of spirits in Khanty bailichkas (based on the material of the Kazym dialect)]. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.: Filologicheskie issledovaniya* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of small indigenous peoples of the North: Materials of the All-Russian sci.-pract. conf.: Philological studies.]. Voronezh, Maks-Print, 2015, pt. 2, pp. 182–190. (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Obrazy mifologicheskikh personazhey nebesnogo boga i zhitelya podzemnogo mira v khantyyskikh narodnykh skazkakh [Images of mythological characters of the heavenly god and the inhabitant of the underworld in Khanty folk tales]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 19 Yugorskie chteniya (1 dekabrya 2020 g.)* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the All-Russian sci.-pract. conf. The 19th Yugor Readings (December 1, 2020)]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2021b, pp. 78–84 (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Skazochnyy personazh Kirp nyulup imi v khantyyskom fol'klore [The fairy-tale character Kirp nyulup imi in Khanty folklore]. *Filologicheskii aspekt*. 2022, no. 3 (83), pp. 150–155. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyjskom-folklore.html> (accessed: 3.03.2023) (In Russ.).
- Pirs Ch. S. Chto takoe znak? [What is a sign?]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2009, no. 3 (7), pp. 88–95. (In Russ.).
- Pisarenko D. A. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v russkikh narodnykh skazkakh [Linguosemiotic features of death signs in Russian folk tales]. *Humanities and law studies*. 2019, no. 1, pp. 247–253. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint, 2000. 274 p.

Razumova I. A. *Skazka i bylichka* [A fairy tale and a bylichka]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS, 1993, 112 p. (In Russ.).

Tolstaya S. M. *Smert'* [Death]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar' v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Moscow, International Relations, 2012, vol. 5, pp. 58–71.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, 696 p. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p. (In Russ.).

List of sources

Lenin pant khuvat. [On the Lenin Way]. 1958, no. 75; 1984, no. 37. (In Khanty).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Hunts and Mansi]. N. V. Lukina (Comp.). Moscow, Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1990, 568 p. (In Russ.).

Mo'ushchät pa putrat [Fairy tales and stories]. Nizhnevartovsk, NPI Publ., 1996, 68 p. (In Khanty).

Páray J. *Ostják Hagyatéka. Regék és regetöredékek*. Közzéteszi, Vértés Edit. Debrecen, 1992, 267 p. (In Hungarian and Khanty).

Sengepov A. M. *Kasum iki putrat* [Stories of the old Khanty]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1994, 175 p. (In Khanty).

Shchashchem mon'shchät: Skazki moey babushki [My grandmother's fairy tales]. O. V. Khandybina (Comp.). Khanty-Mansiysk, Information and Publishing Center, 2011, 165 p. (In Khanty, in Russ.).

Skazki naroda khanty [Tales of the Khanty people]. E. E. Kovgan, N. B. Koshkareva (Comps.). St. Petersburg, Alfavit, 1995, 143 p. (In Russ.).

Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin, Akademie-Verlag, 1989, vol. 3, 641 p. (In German and Khanty).

Vagatova M. K. *Aj Nerum Kho. Malen'kiy tundrovyy chelovek. Stikhi i skazki* [Aj Njorum Ho. A little tundra man. Poems and fairy tales]. Tyumen, SoftDizayn, 1996, 208 p. (In Russ.).

Zemlya Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Ojäj [The Land of the Cat's Elbow]. T. Moldanov (Comp.). Tomsk, TSU Publ., 2001, iss. 2, 244 p. (In Russ., in Khanty).

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

15.02.2023

Сведения об авторе

Соловар Валентина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: solovarv@mail.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117

Information about the Author

Solovar Valentina Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Docent, Chief scientific Researcher, Department of Khanty Philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russia).

E-mail: solovarv@rambler.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117

УДК 821.0:398
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

**Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе:
К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания
(на материале эпоса «Кан-Тьелбекей» Е. К. Таштамышевой)**

Е. Е. Ямаева

Независимый исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

В статье показаны результаты выявления параллелей между персонажами алтайского эпоса и мирового культурного наследия. Новизна работы заключается в изучении уникального персонажа алтайского эпоса – героя с рыбьим туловищем и головой собаки. В научный оборот вводятся и подвергаются исследовательской интерпретации малоизвестные тексты фольклора. Показано, что в алтайском эпосе акцентируется связь героя со стихией воды, холода, а также с небесным миром, поскольку он женился на девушке, которая обладает способностью перевоплощаться в гуся. Герой с рыбьим туловищем и головой собаки освобождает страну от завоевателей, в финале женится еще и на дочери подземного владыки. В результате исследования выявлено, что описание подвигов звероподобного героя, который ликвидировал великана, спустился в подземный мир, сближается с описаниями подвигов героев мифов и эпоса из письменных памятников Ближнего Востока.

Ключевые слова

алтайские героический эпос, эпос, мотив, герой с собачьей головой, с туловищем рыбы, племя туба, тайные знания, исполин, спуск в нижний мир, шумерский эпос, миф.

Для цитирования

Ямаева Е. Е. Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе: К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания (на материале эпоса «Кан-Тьелбекей» Е. К. Таштамышевой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 49–57.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

**A hero with a “head of a dog and a body of a fish” in the Altai heroic epic:
On the formation of the mythological basis for an epic legend
(based on the epic “Kan-T’elbekey” by E. K. Tashtamysheva)**

E. E. Yamaeva

Independent researcher, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

This article studies the folklore of the Altaic peoples. The novelty of the work is in introducing and interpreting the little-known material of Altai epic into the scientific circulation. The hero of the legend under study has a head of a dog and a body in the shape of a fish. His birth was accompanied by a snowfall that covered the ground to the tops of the trees, followed by cold and famine. The family leaves the shelter having locked him in the palace and covered him with stones. The hero survives and gets to the new place of residence of his relatives. He sees in his dream the

© Е. Е. Ямаева, 2023

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

conquest of the country, warns his family, and leaves them. His first heroic act is killing the giant who conquered the country of his protectors. He gets married to their daughter with an ability to transform into a goose. Further heroic acts are connected with his liberation of the country and descent into the underworld in order to get married to the daughter of the underground lord. No descriptions of heroic fights have been found in the epic literature. The study resulted in identifying the epic mythological basis and revealing the parallels with the plots of the legends of the Ancient East in separate fragments.

Keywords

a hero with a dog's head, with a body of a fish, the Tubo tribe, secret knowledge, giant, descent into the lower world, sumer epic, myth

For citation

Yamaeva E. E. A hero with a "head of a dog and a body of a fish" in the Altai heroic epic: On the formation of the mythological basis for an epic legend (based on the epic "Kan-T'elbekey" by E. K. Tashtamysheva). *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 49–57. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

Введение. В эпическом наследии алтайцев встречаются порой уникальные персонажи и сюжеты, которые трудно отыскать в опубликованных эпических произведениях тюрков России. Речь идет о персонаже, именуемом «ребенок (парень) с головой собаки, с туловищем рыбы», ставшем впоследствии богатырем Кан-Тьелбекей. Эпические мотивы, связанные с собакой, часто встречаются в алтайских сказаниях, однако имеют второстепенное значение, так как чаще всего представлены в сюжетах о сватовстве и свадьбе.

Актуальность исследуемой проблемы. Персонаж с рыбьим туловищем, пожалуй, является «единственным и неповторимым» среди многочисленных и самых разнообразных персонажей в фольклоре народов Сибири, что вызывает интерес к его происхождению, его способностям к вещанию и перевоплощению, совершаемым им подвигам. В системе персонажей и сюжетике тюркского эпического наследия (по опубликованным на сегодня материалам) затруднительно отыскать типологические параллели алтайскому эпическому герою. Актуальной проблемой является изучение истоков данного образа, а также процесса создания нового эпоса на основе мифологических представлений.

Цель работы. Статья посвящена изучению эпического наследия Алтая, выявлению сравнительных параллелей алтайского эпоса с фольклорными мотивами мифов и эпоса Ближнего Востока, которые, возможно в фрагментарном виде, в ходе длительного историко-культурного процесса на территории Центральной Азии в дальнейшем способствовали формированию мифологической основы алтайских сказаний. Для решения задач, сопутствующих достижению цели, исследованию подверглись структурные особенности и семантика персонажей и мотивов эпоса «Кан-Тьелбекей», бытовавшего в эпической среде северных алтайцев в первой половине XX в.

История изучения и публикации. В научной литературе изучены прежде всего семантика и символы, посвященные собаке и рыбе. Не стали исключением статьи автора, в которых раскрываются ритуальные и семантические аспекты, связанные с рыбой и собакой, определившие структурные особенности отдельных эпических сказаний алтайцев [Ямаева, 2021]. По мнению Ю. И. Ожередова, пара рыб, стоящих на хвостах, символизируют брачный союз, магическую связь реального и потустороннего мира [Ожередов, 2018, с. 92]. В различных культурных традициях выявляется почитание разных видов рыб: например, карпа в китайской мифологии [Бог Энки...; Рыбы в китайской традиции...; Карп в китайской культуре], лосося у народов Северной Европы [Рыбы в мифологии и культуре; Рыба] и т.д. Образы человеко-рыбы отмечены в мифах и ритуалах саамов, ительменов, древних китайцев [Рыбы в мифологии и культуре]. Что касается собаки, то исследований, посвященных данному персонажу в мировой культуре, очень много. В традиционной культуре алтайцев, включая исторические дискурсы в область археологии, представления (рисунки на стенке погребальной камеры) о собаке отмечены уже в эпоху древних каракольцев, локальной группы андроновцев, живших в Горном Алтае предположительно в XVI–XIII до н.э. [Кубарев, 2013, рис. 64]. Однако материалы недавно опубликованного сказания Е. Таштамышевой «Кан-Тьелбекей» [Кан-Тьелбекей, 2018] позволяют нам расширить наши представления о персонаже с головой собаки и с туловищем рыбы и провести неоднозначные параллели с мифами древних народов Ближнего Востока. В мировой мифологии представление о боге с атрибутом рыбы является довольно распространенным. Считается, что в части описания потопа «Книга Бытия» имеет сходные черты с мифами о шумерском боге Энки.

Материал исследования. В качестве материала для исследования послужило сказание «Кан-Тьелбекей», записанное в 1958 г. Н. Бабаяковым от Е. Таштамышевой. Необходимо сказать несколько слов об исполнительнице и эпической среде. Евдокия (Балака) Константиновна Таштамышева (1881–1968) родилась в с. Карасук Чойского района. Однако большую часть жизни прожила в селе Салганда. Она являлась последовательницей сказителей Сары Уула и его ученика Кабака Тадыжекова [Конунов, 2018, с. 506]. Е. Таштамышева являлась представительницей эпического круга Северного Алтая. В этот круг входила также известная сказительница из рода комдош Н. Черноева (1919–1978) [Ямаева, 1998, с.18–21]. Обе происходили из тубаларов, этногенез которых восходит к древнему населению Сибири под названием *дубо*.

Метод исследования. Богатейший алтайский эпос позволяет применять метод структурного анализа, который рассматривается как часть обширного комплекса методологии изучения фольклора в целом. Для выявления устойчивых образов персонажей и типовых мотивов были привлечены сказания исполнителей Северного Алтая, кумандинских певцов О. Алексеева и П. Чинчикеева. В сказаниях перечисленных певцов присутствуют устойчивые мотивы об укрытии новорожденного ребенка в море в момент завоевания страны врагами, покровительстве духа-хозяина воды. Сравнительная методика исследования данного мотива выявила, что в сказании Е. Таштамышевой акцентируется мотив рождения ребенка в образе собаки-рыбы, связанном с водой, а мотив «укрывания в водной стихии» является второстепенным.

Народная терминология. Сказание, исполненное Е. К. Таштамышевой, относится к разряду *кай-лап айдар чёрчэк*, когда сказание *чёрчэк* исполняется посредством техники *кай*. Кай – способ звукоподдачи фольклорного текста у ряда народов Центральной Азии и Северо-Западной Сибири, для которого характерен механизм бинарной фонации, возникающий при одновременном звучании голосовых связок и фистулы на уровне вестибулярных складок. Исполнение эпического текста у алтайцев, как правило, осуществляется в сопровождении *топиуура* – щипкового музыкального инструмента (лютни). Исполнитель эпоса *кайчы* – исторический сложившийся тип народного певца у алтайцев. Помимо мелодико-напевного исполнения, в сказительской культуре алтайцев широко распространено интонационно-декламационное или речитативное, более характерное для женщин, в частности, для таких *кайчы*, как Е. Таштамышева и Н. Черноева. Обе рассказывали сказания, т. е. исполняли эпос речитативом. Как отметил С. С. Суразаков, «при рассказывании сохраняются традиционные устойчивые поэтические обороты речи, однако большая часть текста оказывается близка к прозе» [1965, с. 3]. Инициальные и финальные формулы эпического текста имеют магическое значение, обозначающее контакт с миром духов. В финальной части сказительница Н. Черноева произносит фразу «сказка закончилась» (*чёрчэк божоды*), что, по сути, представляет собой вербальную жертву духам-покровителям, формульный оберег от злых духов, завершение «путешествия» в сакральный мир эпоса.

Обсуждение. Рождение мифического героя, связь со стихией снега и воды. У Ак-каана, жившего у подножья Золотой горы, рождаются три сына. Когда родился третий сын, оказалось, что у него голова собаки, туловище рыбы: *Балады табар болзо, Бажы ийт болгон, Көдөн жаны балык болгон* ‘У новорожденного голова была собачьей, а туловище, со стороны таза, была рыбьей’ [Кан-Желбекей, 2018, с. 182]. В алтайских сказаниях, как известно, герой при рождении отмечен наличием родинки или сгустка крови в ладонях. Рождение ребенка с головой собаки сопровождался небывалым стихийным бедствием в виде снега, который покрыл землю вплоть до верхушек деревьев. Падеж скота, отсутствие еды, смерть людей от голода и холода заставил Ак-каана принять решение о перекочевке на другие земли (поближе к своему другу Караты-каану) [Там же]. Связь с водой повторно акцентируется в ходе дальнейшего повествования, когда братья столкнули его в Черное море с целью утопить. Братья не могут его разбудить, когда он спит под железным тополем и видит вещий сон; братья сталкивают его в море. Парень с собачьей головой еще семь дней спал под водой и потом выбрался оттуда [Там же, с. 185]. Мотив «выхода» героя из моря / озера зафиксирован в сказаниях «Сюмер-Тайчы» О. Алексеева [Сюмер-Тайчы, 2018, с. 478], «Кан-Чечий», «Алтын-Бизе» Н. Черноевой [Кан-Чечий, 2018, с. 203–204; Алтын-Бизе, 1965, с. 77–80], «Ак-каан ла Кюбюр-каан» Чинчикеева [Ак-каан ла Кюбюр-каан, 1977, с.74–76, 84]. В эпосе присутствует формула-описание героя: *Ийт болуп юрюп ийди, / Ат болуп киштеп ийди* ‘Словно собака залаял / Словно конь заржал’, – что, безусловно, подчеркивает его чудесные способности [Кан-Желбекей, 2018, с. 184, 186]. По представлениям селькупов,

как собака может залаять Водяной, если человек остановится на ночлег возле его балагана. В качестве жертвы Водяному подносили уху из первого улова [Тучкова].

В мотиве рождения атрибутизация героя стихией снега и воды очевидна. Однако в эпосе подчеркивается связь с холодом и глубоким снегом (высота снежного покрова равна высоте деревьев), покрывшим земли. В представлениях алтайцев первоначально на земле господствовала стихия холода, льда и снега (*соок айгуул*), затем прошел потоп – стихия воды (*суу айгуул*), а в будущем человечество испытает стихию огня (*от айгуул*). Таким образом, можно полагать, что в мотиве рождения героя сохранились очень древние мифологические представления, бытовавшие якобы еще до потопа. Рождение героя, атрибутом которого является одежда из рыбьей чешуи или имеющем туловище из рыбы, фиксируется в древнейших письменных источниках из Ближнего Востока. Однако в интерпретации персонажей и сюжетов алтайского эпоса о герое Кан-Тьелбекей представляется более интересным провести сравнительные параллели с шумерским эпосом и мифами. Шумерское божество Энки изображается с плащом с нарисованными рыбами, держащим в руках водоплавающую птицу [Миф «Инанна и Энки»], таким образом подчеркивая его связь с водой. Что касается Кан-Тьелбекея, то представляется, что, возможно, произошло совмещение образа человека-рыбы с героем с собачьей головой (или, наоборот, собако-человек приобрел еще и черты рыбы). В другом сказании Н. Черноевой фигурирует «чешуйчатый» персонаж, который живет на дне черного моря. Жена Тенгери-каана, врага Баадай-Кара, рассказывает «своему мужу» (перевоплотившемуся в Тенгере-каана богатырю) об удивительном существе, которое сильно ее напугало:

Кара талайдынг тюбинде / Башту деп айдайын десе – / Бажы тьок. / Бажы тьок деп айдайын десе – / Башту. / Кандый да неме ангданат ‘На дне Черного моря (существо) / Если сказать, что у него голова есть, / Головы нет, / Если сказать, что головы нет, / Голова есть. / Оно двигается, поворачивается’ [Баадай-Кара, 2020, с. 176].

Герой отправляется на берег Черного моря. Оказывается, что это – богатырь, именуемый Чешуйчатый Силач *Кайрзырыкту Мёкё*, подчиняющийся Тенгери-каану. Противники вступают в схватку. Однако поединка как такового не происходит. Герою удается уничтожить Чешуйчатого Силача с помощью небесной молнии, который сжигает железную броню врага. В данном эпизоде противник проявлен в антропоморфном виде, хотя, как указывалось выше, в первоначальном виде он описывается как некое существо, покрытое чешуей и имеющий нечеловеческую голову, живущий на дне Черного моря [Там же, с. 176]. Персонаж, локализованный на дне моря, описываемый стереотипной формулой Чешуйчатый Силач, может быть представлен как человеко-рыба. Таким образом, представление о человеке-рыбе в сказаниях Н. Черноевой является устойчивым и архаическим. В эпической традиции алтайцев в образе собаки / щенка нередко выступает суженая героя. В целом, в мировой культуре образ собаки весьма распространен. Изображение солнцеголового персонажа с собачьей мордой, как указывалось выше, отмечено на погребальной плите памятника Каракол [Кубарев, 2013, рис. 64]. На обеих руках персонаж держит некий предмет в виде посоха.

Изоляция героя с собачьей головой и рыбьим туловищем. Мотив перекочевки в чужие края и оставления ребенка с уродливой (звероподобной) внешностью дополняется описанием его заточения во дворце, в старом стойбище: *Бектир јаман баланы / Јетен јети талалу / Алтын ёргёё ичине сугала, / Эжигини јык этире бектеди. / Ташла кёёп лё чоғоло, / Бойлоры эмеениле / Олок ушкажып ийди. / Алтын-Тана эмеенини, / Эки уулын кондырып алала, / Апиыйак ол ок јүрерт* ‘Безобразного ребенка / Завели в золотой дворец, / Имеющий семьдесят семь граней. / Дверь накрепко заперли. / (Дворец) камнями завалили. / Сам старик вместе с женой Алтын-Тана, / С сыновьями, / Сели на коней и уехали’ [Кан-Тьелбекей, 2018, с. 183].

Мальчик все же выполняет из дворца, ползет по следу отца и братьев. Нечеловеческие черты героя вызывают у людей желание отдалить героя; презираемый родственниками (*чек кёрбёс*) парень с собачьей головой (*ийт башту*), дураковатый (*тенек оол*), лежал в стогу сена (*анда ла обоодо тьадар*) [Там же, с. 183–184]. В эпизоде заточения во дворце с целью умерщвления косвенно можно усматривать «временную смерть» героя, его возрождение, намек на его бессмертие. Хотя, безусловно, данный мотив необходим для дальнейшего продвижения повествования.

Вещие знания мифического героя с собачьей головой и рыбьим туловищем. Чудесные способности героя с собачьей головой и рыбьим туловищем проявляются не только в его умении производить разные подражательные звуки, перевоплощаться в различные предметы [Там же, с. 185], но и

во владении вещими знаниями. Под железным тополем, растущим на перепутье семи дорог, он видит вещий сон, согласно которому его страна будет завоевана врагами [Там же, с. 185]. Свое вещее знание он использует для предупреждения о приближающейся опасности, сам уходит в чужие края, в степь. В алтайских сказаниях мотивы вещего сна и изгнания сына, предвещавшего беду, типичны [Тектебей-Мерген, 2020, с. 38]. В шумерском мифе Энки, владеющий вещими знаниями, предупреждает бессмертного отца Утнапиштира о предстоящем потопе.

Мотив уничтожения великана мифическим героем. Первый подвиг героя состоял в уничтожении великана и возвращении глаз / зрения старикам. Парень с собачьей головой и туловищем рыбы оказывается в жилище слепых стариков. Слепой старик ловит незнакомца своим багром за чешую (*балык кайзаазынанг (кайзырыгынанг) кел капты*) [Кан-Желбекей, 2018, с. 187]. Парень нарушает запрет подниматься на вершину черной горы. Он ползком поднимается на вершину горы и видит огромные следы. Отправившись по следу издалека, видит огромного богатыря, исполина по имени Кара-Мёкё, едущего на черно-сером коне. Герой принимает человеческий облик, облик дураковатого парня (*тенек уул*). Он уничтожает Кара-Мёкё, пригоняет его скот и людей в стойбище стариков [Там же, с. 188–189]. Мотив возвращения зрения старикам (ликвидации слепоты людей) представлен следующим образом. В тот момент, когда приходит враг, старик и его жена «прячут» свои глаза в белой тайге, а дочь перевоплощают в гуся. После уничтожения великана старик велит герою вынуть его глаза из-под горы. Далее следует краткое упоминание о добывании целебной воды гусем (дочерью стариков): приняв человеческий облик, девушка «вставляет» глаза родителем, вытирает платком-*арчуул* [Там же, с. 185–190]. В алтайских сказаниях добывание героем, имеющим низкий социальный статус, глаз слепых стариков / старика из тела врага (большого пальца, родинки на лбу), возвращение зрения очень распространен [Тектебей-Мерген, 2020, с. 45–46]. В сказании «Маадай-Кара» юноша убивает одноглазого богатыря, вынимает глаза стариков из его большого пальца [Маадай-Кара, 1995, с. 104–107]. В рассматриваемом нами эпосе мотив добывания какой-либо ценности из тела врага отсутствует. Таким образом, основным содержанием первой части повествования «Кан-Тьелбекей» является именно мотив убийства великана Кара-Мёкё. Герой стаскивает с коня богатыря огромного телосложения, свалив на землю, убивает (*жыгып салды*). Убийство исполина Хумбабу описывается как главный подвиг Энкиду, героя шумерского эпоса «Гильгамеш». Оставлять в живых Хумбабу нельзя. Отрубленная голова исполина приносится на жертвенник бога Энлиля, т. е. поверженный враг приносится в качестве жертвы богу [Гильгамеш и Энкиду]. Дальнейшее повествование об алтайском герое Кан-Тьелбекей связано с описанием женитьбы на дочери приютивших его стариков.

Борьба мифического героя с завоевателями родины. Герой, получив богатырское имя от дочери подземного владыки, отправляется бороться с врагами, завоевавшими его страну. Сюжетный блок, повествующий о борьбе Кан-Тьелбекея с врагами Бакпа-Кара и Кара-Кула, с завоевателями его страны, представлен весьма своеобразно. Вначале богатырь убивает белобородого старика (*ак-сагалду*) Ак-Бёкё, следящего за скотом противника. Описание поединка отсутствует, но дается описание его убийства: *Айдарда бейе апшыйакты / Бажын төбөзін ойго соголо, өртөп, / Адын бойыла / Талай дөбөн чачып ийди* 'Итак, давешнему старику / Проломил темя (ударом), (труп) сжег. / (Прах, останки) вместе с конем / Бросил в море' [Кан-Желбекей, 2018, с. 196].

Сам герой перевоплощается в белобородого старика. Перевоплотившись в начальника над табунщиками, рассказывает им сказания (*чёрчёк*), те перестают пасти скот. Скот разбредается. Враги Бакпа-Кара и Кара-Кула прогоняют его из своей земли. Далее следует эпизод встречи с родственниками, находящимися в плачевном состоянии в плену. В эпосе отсутствует мотив поединка с завоевателями. В образе плешивого раба Тастарака герой возвращается в стан врагов, напрашивается пойти с ними в военный поход. Поднявшись с братьями-завоевателями на вершину черной тайги, приняв свой богатырский облик, бьет их об плоский черный камень. Не убивает, но прибавляет гвоздями их конечности к земле (камень?): *Бакпа-Караны каап (тудуп) чыкты / Ак-айаска тудуп чыгала, / Жалбак тапшын үстүнө / Экелип салды. / Ого эмеши жапшыра базала, / Каптыргазынан кадау (каду) чыгарып, / Төрт санына, мандайына / Кадап салды. / Боо шыралап өлүгөр!* 'Бакпа-Кара (врага) схватил, / Поднял к белым небесам, / (Затем) о плоский камень / Опустил, ударил. / Прижимая противника ногами, / Вытащил из переметной сумы гвозди. / Гвоздями прибил к камню четыре конечности и лоб. / «Теперь, мучаясь, будете умирать!» – сказал' [Там же, с. 199].

В сюжетном блоке нашли отражение древнейшие погребальные обряды: мотив растягивания еще живых противников за четыре конечности на черном камне на вершине черной горы, что в подтексте означает намек на принесение жертвы богу. В данном эпизоде также можно усмотреть параллели борьбы с исполином Хумбабу, завершившимся принесением поверженного врага в жертву богу.

Спуск героя с в подземный мир и женитьба на дочери подземного владыки Эрлик-бия. Мотив женитьбы героя на дочери стариков сцепляется с мотивом приобретения второй жены в образе дочери подземного владыки. Жена героя, недовольная тем, что родители выдали ее замуж за человека – собаку-рыбу, напускает жару с помощью магического камня-*тьада*. Герой снимает с себя одежду, укрывается в море, а в это время жена разрезает его шкуру. Парень, выбравшись на берег, громко кричит, обращаясь к верховному божеству Юч-Курбустану с просьбой дать ему коня, конское и военное снаряжение. С белой горы спускается конь, к седлу приторочены доспехи. Парень упрекает жену, что она разрезала шкуру, объявляет ей, что он уезжает [Там же, 2018, с. 191–193]. В данном эпизоде представлен международный мотив «чудесная жена», который, кстати, также является типовым мотивом в сюжете алтайского эпоса. Однако дальнейшее разворачивание сюжета приводит к описанию женитьбы героя на дочери Эрлик-бия, подземного владыки. По пути (не конкретизируется, куда едет герой) конь советует парню жениться на женщине, которая «стоит» вниз головой, ногами вверх (*Эки буды сан ѳрѳ, / Бажы дезе сан тѳмѳн*), у нее лохматые черные волосы, черное лицо (*Телтек кара чачту / Кара чырайлу*) [Там же, с. 194]. Она встретится ему у тополя. Он обязан на ней жениться. Она – дочь Эрлик-бия. Здесь обнаруживается мотив самопросватывания подземной женщины к жителю земли: *Качан ѳлзѳн, / Менин колысда болорын. / Тирѳ ѳѳрзен, / Кѳндѳ катынга кожо ѳадарзын, / ѳлзѳн, менин колысда болорзын* ‘Когда умрешь, / Будешь в моих руках. / Когда будешь жив, / На солнечной земле вместе с женой будешь жить. / Умрешь, в моих руках будешь’ [Там же, с. 195].

После согласия героя жениться на ней дочь Эрлика нарекает его богатырским именем Кан-Тьелбекей, едущий на кроваво-рыжем коне [Там же]. В алтайских сказаниях распространенными являются мотивы самопросватывания жительниц подземного мира к земному богатырю, сожительства с дочерью Эрлика и отказа от нее [Аин Шаин Шикширге, 1995, с. 62]. В сказании «Маадай-Кара» фигурирует мотив «подмены невесты», в котором в качестве невесты выступает дочь Эрлика [Маадай-Кара, 2020, с. 307, 319–320]. В эпосе «Кан-Тьелбекей» реализуется сюжет спуска героя в Нижний мир (мотивирован ревностью земной жены) и возвращения с дочерью Эрлика на землю. По пути домой герой с трудом удерживается на коне от вихря (*эзин-экпин*), который создается от движения дочери Эрлик-бия (*Эрлик-бийдинг кызынын эзин-экпинине*). Животные и люди, живущие на земле, разбегаются, укрываются, где могут. Земная жена спряталась под кроватью. Дочь Эрлик-бия приказывает «старшей» жене устроить свадебный пир, заплести ей волосы в две косы, что является знаком того, что она стала законной женой Кан-Тьелбекея. По мнению В. П. Дьяконовой, «убранство волос, разделение их прямым пробором символизировало нарушение целомудрия женщины, инкорпорацию ее к роду мужа» [2001, с. 129]. После свадьбы дочь Эрлика проваливается под землю. Повествование завершается примирением супругов [Кан-Тьелбекей, 2018, с. 200–201]. В небольшом сказании, исполненном Н. Черновой, это описание взаимоотношений героя с земной женой и его женой из подземного мира занимает довольно много места, являясь стречневым в структуре эпоса. При этом описание героических подвигов героя дается кратко.

Результаты исследования. Таким образом, образ эпического персонажа с собачьей головой и с туловищем рыбы имеет очень древнее происхождение. Типологически близкие черты этому герою как в описании рыбообразной внешности, так и в реализации отдельных мифологических мотивов можно найти в образах шумерского бога Энки и эпического героя Энкиду. Сведения об этих персонажах относятся к XXVII–XXVI вв. до н.э. Герой алтайского эпоса имеет не только туловище рыбы, но и голову собаки. Фиксация персонажа с головой собаки имело место в каракольской культуре Горного Алтая, датируемого серединой II тыс. до н.э. Наряду с многочисленными персонажами в различных масках, указанный персонаж, наделенный маской в форме собачьей головы, изображенный вместе со всеми на стенке погребальной камеры, безусловно, был отмечен в мифологическом пантеоне каракольцев. Однако ни одного персонажа с атрибутами рыбы на каракольских плитах не обнаруживаются. Использование образа налима, называемого по-алтайски собака-рыба (*уйт-балык*), широко представлено в погребальной культуре пазырыкцев [Полосьмак, 2005, рис. 3.11].

В отличие от собаки в искусстве пазырыкцев актуализируется роль волка [Там же, рис. 3.8 и 3.9]. Мифология и эпос алтайцев содержат многие мировые мотивы (о всемирном потопе, о птице Гаруде, о коне на вершине мировой горы и т.д.). Современные исследования в области генетики, археологии позволяют сделать выводы о широких культурно-исторических связях народов Саяно-Алтая в пазырыкские и более древние времена. В этой связи отдельные мотивы и представления, вошедшие в структуру эпоса «Кан-Тьелбекей», имели место в едином историко-культурном пространстве Центральной Азии и Ближнего Востока. В формировании сюжетной линии и системы персонажей были использованы мифы и вербальные отголоски ритуалов «допотопных» (доисторических) времен. Эпос «Кан-Тьелбекей» свидетельствует о мифологической преемственности в создании алтайского эпоса.

Список источников и исполнителей

- Аин Шаин Шикширге // Никифоров Н. Я. Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Горно-Алтайск, 1995. С. 39–66.
- Ак-каан ла Кюбюр-каан. Сказитель А. Чинчикеев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос / Отв. ред. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1977. Т. 9. С. 70–127. (На алт. яз.).
- Ак-Тайчы. Исп. Н. У. Улагашев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Сост. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1959. Т. 2. С. 68–112. (На алт. яз.).
- Алтын-Бизе. Сказительница Е. К. Таштамышева. Алтайское героическое сказание / Пер. с алт. яз. Г. Голубева; предисл. С. С. Суразакова. Барнаул, 1965. С. 14–128 с. (На алт. и рус. яз.).
- Баадай-Кара. Сказительница Н. Черноева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 4. С. 161–200. (На алт. яз.).
- Гильгамеш и Энкиду // Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/mifologiya/3818-gilgamesh-i-enkidu> (дата обращения: 13.01.2023)
- Кан-Желбекей. Сказительница Е. Таштамышева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 182–201. (На алт. яз.).
- Кан-Чеечий. Сказительница Н. Черноева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 202–239. (На алт. яз.).
- Маадай-Кара. Сказитель А. Калкин // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 3. С. 209–334. (На алт. яз.).
- Сюмер-Тайчы. Сказитель О. Алексеев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 473–503. (На алт. яз.).
- Тектебей-Мерген // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 1. С. 38–60. (На алт. яз.).
- Миф «Инанна и Энки» [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1564638> (дата обращения: 27.10.2022).

Библиографический список

- Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001. 222 с.
- Карп в китайской культуре // BJS City [Электронный ресурс]. URL: <https://bjs.city/karp-v-kitajskoj-kulture/> (дата обращения: 24.10.2022).
- Конунов А. А. Примечания // Алтайские богатыри (= Алтай баатырлар). Горно-Алтайск, 2018. С. 504–511.
- Кубарев В. Д. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск, 2013. 73 с.
- Ожередов Ю. И. Рыбы, стоящие на хвостах // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Н. А. Томилов. Омск, 2018. С. 90–93 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36466352> (дата обращения: 15.01.2023).
- Полосьмак Н. В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 229 с.
- Рыба // Новый акрополь. Культурная ассоциация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newacropol.ru/alexandria/symbols/fish/> (дата обращения: 24.10.2022).
- Рыбы в мифологии и культуре // Акваловер [Электронный ресурс].

- URL: <http://www.aqualover.ru/fauna/fish-in-mythology-and-reigion.htm> (дата обращения: 24.10.2022).
- Рыба в китайской мифологии // Википедия [Электронный ресурс].
- URL: https://wiki5.ru/wiki/Fish_in_Chinese_mythology (дата обращения: 10.24.2022).
- Рыбы в китайской традиции. Загадки символов // Ярмарка мастеров [Электронный ресурс].
- URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1694903-ryby-v-kitajskoj-traditsii-zagadki-simvolov> (дата обращения: 24.10.2022).
- Суразаков С. С. Героическое сказание «Алтын-Бизе» // «Алтын-Бизе». Алтайское героическое сказание. Сказительница Е. К. Таштамышева / Пер. с алт. яз. Г. Голубева; предисл. С. С. Суразакова. Барнаул, 1965. С. 3–13.
- Тучкова Н. А. Традиционное мировоззрение селькупов // Культурное наследие югры: Электронная антология [Электронный ресурс]. URL: <http://hmap.kaisa.ru/object/1808929687?lc=ru> (дата обращения: 15.01.2023).
- Бог Энки – один из главных богов в мифологии шумеров [Электронный ресурс].
- URL: <https://ancient-east.ru/bog-enki.html> (дата обращения: 10.27.2022).
- Ямаева Е. Е. Алтайская духовная культура. Миф. Эпос. Ритуал. Горно-Алтайск, 1998. 198 с.
- Ямаева Е. Е. Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 94–101. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

List of sources and performers

- Ain Shain Shikshirge. In: Nikiforov N. Ya. *Anoskiy sbornik. Sobraniye skazok altaytsev s primechaniyami G. N. Potanina* [Anos collection. Collection of fairy tales of the Altaians with notes by G. N. Potanin]. Gorno-Altaysk, 1995, pp. 39–66. (In Russ.).
- Ak-kaan la Kyubyur-kaan. Narrator A. Chinchikev. In: *Altay baatylar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. S. S. Surazakov (Ed.). Gorno-Altaysk, 1977, vol. 9, pp. 70–127. (In Altai).
- Ak-Taychy. Narrator N. U. Ulagashev. In: *Altay baatylar* [Altai heroes]. S. S. Surazakov (Comp.). Gorno-Altaysk, 1959, vol. 2, pp. 8–112. (In Altai).
- Altyn-Bize. Narrator Ye. K. Tashtamysheva. In: *Altayskoye geroicheskoye skazaniye* [Altai heroic legend]. G. Golubev (Transl. from Altai), S. S. Surazakov (Foreword). Barnaul, 1965, pp. 14–128. (In Altai, in Russ.).
- Baaday-Kara. Narrator N. Chernoyeva. In: *Altay baatylar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 2020, vol. 4, pp. 161–200. (In Altai).
- Enki [Enki]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1564638> (accessed 10/27/2022). (In Russ.).
- Gilgamesh i Enkidu [Gilgamesh and Enkidu]. URL: <http://rushist.com/index.php/mifologiya/3818-gilgamesh-i-enkidu> (accessed 13.01.2023). (In Russ.).
- Kan-Cheychiy. Narrator N. Chernoyeva. In: *Altay baatylar* [Altai heroes]. A. A. Konunov (Introd. art., prep. of texts, notes to texts). Gorno-Altaysk, 2018, vol. 16, pp. 202–239. (In Altai).
- Kan-Jelbekey. Narrator Ye. K. Tashtamysheva. In: *Altay baatylar* [Altai heroes]. Introductory article, preparation of texts, notes to texts by A. A. Konunov. Gorno-Altaysk, 2018, vol. 16, pp. 182–201. (In Altai).
- Maaday-Kara. Narrator A. Kalkin. In: *Altay baatylar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 2020, vol. 3, pp. 209–334. (In Altai).
- Syumer-Taychy. Narrator O. Alekseyev. In: *Altay baatylar* [Altai heroes]. Introductory article, preparation of texts, notes to texts by A. A. Konunov. Gorno-Altaysk, 2018, vol. 16, pp. 473–503. (In Altai).
- Tektebey-Mergen. In: *Altay baatylar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 2020, vol. 1, pp. 38–60. (In Altai).

References

- D'yakonova V. P. *Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)*. [Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk, 2001, 222 p. (In Russ.).
- Enki odin iz glavnykh bogov shumerskoy mifologii [Enki is one of the main gods in Sumerian mythology]. URL: <https://ancient-east.ru/bog-enki.html> (accessed 10.27.2022).

- Karp v kitayskoy kul'ture* [Carp in Chinese culture]. BJS City. URL: <https://bjs.city/karp-v-kitajskoj-kulture/> (accessed 24.10.2022). (In Russ.).
- Konunov A. A. Primechaniya [Notes]. In: *Altay baatylar* [Altai heroes]. Gorno-Altayisk, 2018, pp. 504–511. (In Altai).
- Kubarev V. D. *Zagadochnyye rospisi Karakola* [Mysterious paintings of Karakol]. Novosibirsk, 2013, 73 p. (In Russ.).
- Ozheredov Yu. I. Ryby, stoyashchiye na khvostakh [Fish standing on their tails]. In: *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Sb. nauchn. tr.* [Integration of archaeological and ethnographic studies. Coll. of sci. art.]. O. N. Tomilov (Ed. in Ch.). Omsk, 2018, pp. 90–93.
- Polos'mak N. V. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (4–3 vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (4–3 centuries BC)]. Novosibirsk, 2005, 229 p. (In Russ.).
- Ryba* [Fish]. URL: <https://www.newacropol.ru/alexandria/symbols/fish/> (accessed 24.10.2022). (In Russ.).
- Ryba v kitayskoy mifologii* [Fish in Chinese mythology]. URL: https://wiki5.ru/wiki/Fish_in_Chinese_mythology (accessed 10.24.2022). (In Russ.).
- Ryby v kitayskoy traditsii. Zagadki simvolov* [Fish in Chinese tradition. Riddles of symbols]. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1694903-ryby-v-kitajskoj-traditsii-zagadki-simvolov>
- Ryby v mifologii i kul'ture* [Fish in mythology and culture]. URL: <http://www.aqualover.ru/fauna/fish-in-mythology-and-reigion.htm> (accessed 10.24.2022). (In Russ.).
- Surazakov S. S. Geroicheskoye skazaniye “Altyn-Bize” [The heroic legend “Altyn-Bize”]. In: *Altyn-Bize. Altayskoye geroicheskoye skazaniye* [Altyn-Bize. Altai heroic legend]. Ye. K. Tashtamysheva (Narrator), G. Golubev (Transl. from Altai), S. S. Surazakov (Preface). Barnaul, 1965, pp. 3–13. (In Russ.).
- Tuchkova N. A. *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov* [The traditional worldview of the Selkups]. URL: <http://hmap.kaisa.ru/object/1808929687?lc=ru> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).
- URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36466352> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).
- Yamaeva E. E. *Altayskaya dukhovnaya kul'tura. Mif. Epos. Ritual* [Altai spiritual culture. Myth. Epos. Ritual]. Gorno-Altaysk, 1998, 168 p.
- Yamaeva E. E. Ob odnom epizode pogrebal'nogo obryada, svyazannogo s sobakoy v teleutskom skazanii “Koziyke”: K probleme tyurkskogo (oguzskogo) i indoiranskogo kul'turnogo naslediya [On one episode of the funeral rite associated with a dog in the Teleut legend “Keziyke”: On the problem of the Turkic (Oguz) and Indo-Iranian cultural heritage]. *Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2 (42), pp. 94–101. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.01.2023

Сведения об авторе

Ямаева Елизавета Еркиновна – доктор исторических наук, независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)
E-mail: Erkinovnay@mail.ru
ORCID 0000-0003-1771-0861

Information about the Author

Elizaveta E. Yamaeva – Doctor of History, Independent Researcher (Gorno-Altaysk, Russian Federation)
E-mail: Erkinovnay@mail.ru
ORCID 0000-0003-1771-0861

УДК 398 (=512.153)+398.5
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

Жанр *алгас* в обрядовой поэзии хакасов: функциональный аспект

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье анализируется жанр *алгас* (благопожелания) в обрядовой поэзии хакасов. Рассматривается функциональная роль *алгасов* в обрядах. Материалом исследования послужили тексты *алгасов*, изданные В.В. Радловым в IX томе «Образцов...» (СПб., 1907). Рассматриваются образцы культовой поэзии, записанные Н.Ф. Катановым во время экспедиции по Сибири и Восточному Туркестану 1878–1892 гг. Благопожелания, связанные с почитанием духов-хозяев природы и местности, шаманские заклинания духов-предков, поклонение матери-огню (*От ине*), представляют ценные образцы обрядовой поэзии хакасов. Особый интерес представляют тексты, записанные Н.Ф. Катановым, об обращениях шаманов к божествам - покровителям коней (*ызыхам*).

Ключевые слова

обрядовая поэзия, *алгас*, благопожелания, благословения, шаманские тексты

Для цитирования

Миндибекова В. В. Жанр *алгас* в обрядовой поэзии хакасов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 58–66. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

***Algas* genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect**

V. V. Mindibekova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Good-wishing was of great importance in the traditional culture of the Khakas. Every traditional event is accompanied by a verbal performance of good wishes. Khakas people believed good wishes to carry faith in the magical power of words, with a potential to improve one's life, to bring well-being into it. *Algas* represents a multifunctional phenomenon in Khakass folklore, including blessings, benedictions, incantations, and prayers. The aim of the work was to systematize the good-wishes, to reveal the features of functioning, to generalize the research results on the ritual poetry of the Khakasses. The study covers the texts of good-wishes recorded and translated by the outstanding Turkologist N. F. Katanov. They include about 70 unique cultic texts in Beltyr, Sagai and Kachin dialects of the Abakan Tatars recorded in 1878–1892 and are accompanied by a complete ethnographic description of the rituals, the attributes used in the rituals; the actions performed by shamans, and their spells addressed to the deities and spirit-masters of the terrain. The analysis revealed two main thematic variants of the *algas* genre in the ritual poetry of the Khakas: (1) the texts of shamanic ceremonies performed for a request for help and (2) the thematic variant including well-wishes, blessings, and parting words. The ritual function is that *algas* is an integral part of rituals and

© В. В. Миндибекова, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

shamanistic ceremonies, reflecting the specific material and spiritual culture of the Khakasses. The artistic and aesthetic functions are enriching the poetic language of *algas* by means of artistic expression and syntactic means.

Keywords

ritual poetry, *algas*, good wishes, blessings, shamanic texts

For citation

Mindibekova V. V. Zhanr *algas* v obryadovoy poezii khakasov: funktsional'nyy aspekt [*Algas* genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 58–66. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

Введение

В традиционной культуре хакасов благопожелания играют важную роль. В них отражается душа народа и вера в добро. Каждое событие сопровождается исполнением словесного текста благопожеланий. Люди верили, что благопожелания могут влиять на реальность. В них заложена возможность улучшать жизнь человека, способствовать его благополучию. В этом проявилась вера людей в силу слова. *Алгасы* представляют собой многофункциональное явление в хакасском фольклоре. В это понятие входят благословения, благопожелания, заклинания и моления. Целью работы является систематизация благопожеланий, выявление особенностей функционирования, обобщение имеющихся результатов исследования по обрядовой поэзии хакасов.

История изучения и публикации. Обрядовую поэзию можно отнести к недостаточно изученным жанрам хакасского фольклора. В период с 1 июля по 13 октября 1892 г. Н. Ф. Катанов записывал шаманские рассказы и молитвы со слов бельтиров, сагайцев и качинцев в Минусинском округе Енисейской губернии. В своем письме к В. В. Радлову ученый писал: «С 1 июля с.г. по 20 июля я посетил татарские улусы, находящиеся по рекам Таштыпу, Аскысу и Камыште, и записал шаманские рассказы и молитвы бельтиров, сагайцев и качинцев» [Письма..., 1893, с. 89]. У бельтиров записаны *алгасы*-благословения горного духа, водяного духа, духа покровителя домашнего скота: коней, коров и овец. У качинцев зафиксированы благословения огня и воды. Со слов шаманов записаны молитвы-благопожелания и обращения к *От ине* 'духу-хозяйке огня', *таг ээзи* 'духу-хозяину гор', *суг ээзи* 'духу-хозяину рек и воды', *иб ээзи* 'дома, жилища', *ызых* 'священным духам-покровителям коней, овец' и т.д.

Собранные в экспедиционной поездке фольклорные записи были опубликованы в третьем разделе «Образцов народной литературы тюркских племен...» [Образцы..., 1907а; 1907б]. Тюркские тексты были транскрибированы по системе академиков О. Н. Бетлинга и В. В. Радлова. Благодаря трудам Н. Ф. Катанова мы можем познакомиться с образцами шаманских рассказов и молитв.

В 2000-е гг. активизировался сбор полевого материала по обрядовому фольклору хакасов, чему содействовала подготовка серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Этим неумоимо начала заниматься ведущий ученый, фольклорист В. Е. Майногашева. Ранее ею были изданы героические сказания «Алтын Арыг» (1988) – в составе серии «Эпос народов СССР» и «Ай Хуучин» (1997) – в серии «Памятники фольклора народов Сибири...». Совместно с М. А. Унгвицкой также занимавшейся составительской работой по обрядовому тому, опубликована монография «Хакасское народное поэтическое творчество» [Унгвицкая, Майногашева, 1972]. В. Е. Майногашева издала сборник статей о мастерах народного творчества «Хакасские сказители и певцы» на хакасском и русском языках [2000]. Некоторые материалы по обрядовой поэзии хакасов вошли в ее книгу «Хакасская народная детская поэзия» [Майногашева, 2009]. В. Е. Майногашева писала: «Еще во времена, когда предки называли себя *күннig кизі*, т. е. люди, поклоняющиеся Солнцу-Богу, у предков хакасов существовал обряд наречения имени ребенку» [2009, с. 12]. В последние годы жизни ученый-фольклорист посвятила себя подготовке тома «Обрядовый фольклор хакасов» для сибирской академической серии. К сожалению, рукопись осталась незавершенной. Дальнейшую работу над рукописью подхватили молодые коллеги ученого, которые приложат все усилия к тому, чтобы том увидел свет в составе известной авторитетной серии.

Ценные материалы по духовной и материальной культуре хакасов содержатся в трудах д-ра исторических наук, профессора В. Я. Бутанаева [Бутанаев, Бутанаева, 2001]. Большое научное и практическое значение имеет «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» [Бутанаев, 1999]. В его работе «Традиционный шаманизм Хонгорая» собраны *алгасы* и шаманские заклинания [Бутанаев, 2006]. Об-

рядовая поэзия хакасов затронута в статьях научных сотрудников Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Жанровые разновидности свадебной обрядовой поэзии становились объектом исследования С. К. Кулумаевой [2003, с. 182–185]. Функции благопожеланий-*алгасов* в композиции героического сказания исследует Ю. И. Чаптыкова [2018, с. 561–563]. История собирания и изучения обрядовой поэзии хакасов описана В. В. Миндибековой [2021, с. 42–47].

Начало собирательской работы новосибирских ученых в Хакасии относится к 1980-м гг. В 1984 г. состоялась совместная комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция Института филологии (ИФЛ) СО АН СССР и ХакНИИЯЛИ. В 2001 г. была проведена комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция ИФЛ СО РАН, ХакНИИЯЛИ и Новосибирской государственной консерватории (НГК) им. М. И. Глинки при участии филологов, фольклористов, языковедов, этнографов и музыковедов. В 2005 г. сотрудники сектора фольклора ИФЛ СО РАН и НГК им. М. И. Глинки выезжали в Орджоникидзевский район Республики Хакасия для изучения современного бытования фольклорных традиций у хакасов-кызыльцев [Скворцова, Жимулева, Миндибекова, 2005]. Важная информация представлена в статьях, представляющих полевые наблюдения хакасских исследователей [Кулумаева, 2003; Чаптыкова, Челтыгмашева, 2019]. В 2020–2022 гг. на материалах данных экспедиционных записей зафиксированы образцы обрядового фольклора в Аскизском, Бейском, Таштыпском районах. Результаты исследований локальных традиций представлены в научной публикации [Миндибекова, 2022]. Комплексное исследование жанра *алгас* осуществляется на полевых материалах, собранных новосибирскими фольклористами и этномузыковедами в сотрудничестве с хакасскими коллегами. В наши дни обрядовая поэзия хакасов приобретает большую значимость в связи с потребностью общества актуализировать связь с национальными истоками.

Материалом для исследования послужили тексты благопожеланий, записанные и переведенные выдающимся тюркологом Н. Ф. Катановым (1862–1922). В 1878–1892 гг. в Минусинском округе Енисейской губернии удалось записать около 70 уникальных культовых текстов на бельтырском, сагайском и качинском наречиях абаканских татар. У сагайцев были записаны благословения огню, называемой *От-ине* ‘матерью дома’, несколько стихов, обращенных к *таг ээзи* ‘горному духу’, к *Бзыхам* ‘покровителям коней’. Тексты были опубликованы В. В. Радловым в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен...» [Образцы..., 1907а, 1907б]. Отдельные главы «Образцов...» были переизданы в разные годы¹, но полная коллекция до настоящего времени не переиздавалась.

Терминология. В современном хакасском языке для обозначения обрядовой поэзии используется термин *кибір поэзиязы*, в котором слово *кибір* переводится как «обычай, традиция» [ХРС, 2006, с. 158], а второе слово заимствовано из русского языка. В народе обычно используют названия для конкретных жанров (*алгыстар*, *сыттар*). Исполняемые при обряде благопожелания обозначаются термином *алгастар* [Там же, с. 53]. Вера в силу магического воздействия слова выражена у хакасов в канонизированных формах *алгас* ‘благопожелания’, *сөстеен сөс* ‘заклинания’. Для определения благопожеланий, благословений и напутствий также приняты термины *алгаг*, *алгас чоох* [Там же, с. 52–53]. В народной терминологии глагол *алгирга* означает ‘благословлять, напутствовать кого-либо; желать добра, успеха кому-либо’, *алгыс* – благодарность [Там же, с. 53, 52 соответственно]. Благопожелания и благословения отмечены у всех тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Об общности термина говорят родственные термины у якутов (*алгыс*), тувинцев (*алгыш*), у шорцев и алтайцев (*алкыш*).

В фольклорной традиции хакасского народа благопожелания являются распространенным жанром, что обусловлено функциональной значимостью благопожеланий, а также особенностью их поэтики: вариативностью текста и выразительностью языка. Хакасский народ бережно хранит и почитает свои устно-поэтические традиции. С каждым годом все меньше остается носителей языка и знатоков хакасского фольклора, но благопожелания продолжают бытовать в народе.

Обрядовая функция

Благопожелания выполняют важную роль между человеком и божествами, могущественными духами-хозяевами природы. Еще во времена язычества люди произносили молитвы – заклинанья к высшим силам, в которых содержалась просьба о благополучии, счастье, изобилии, удаче.

¹ Отдельные главы «Образцов...» были переизданы в 1963, 1996, 1997, 2000, 2003, 2004, 2018 гг.

К культовой поэзии хакасов относятся благопожелания, шаманские заклинания, обращенные к духам-предкам, тексты, связанные с почитанием духов-хозяев природы.

Алгасы адресованы конкретным божествам, духам-хозяевам, называются их имена. Например, в обращении к *От-ине* ‘матери огня’, шаман произносит: *Отыс тістіг от инем...* ‘Ты, огонь, – наша мать, имеющая 30 зубов!’ [Образцы..., 1907б, с. 563] (перевод уточнен нами. – В. М.). Люди верят, что дух-хозяйка *От ине* дает достаток, счастье в доме. Ее красоту подчеркивают длинные густые волосы (*илиг сүрместіг* ‘имеющая 50 косичек’). Огонь почтительно называют матерью, берегиней дома днем и ночью. В благопожеланиях можно выделить ее охранительную, очищающую и защитную функции. Из всех обрядов почитания до наших дней сохранился обряд кормления *От ине* ‘Матери очага’.

Н. Ф. Катанов записал молитвы – благопожелания шаманов к божествам-небожителям, покровителям священных соловых, бурых, вороных, голубых, сине-серых и рыжих коней. Например, в обращении-восхвалении к покровителю *көк пора* ‘сине-сивых’ коней (духа неба) говорится: *Көк пора миндалігің, көк пулут аралығың!* [Образцы..., 1907а, с. 562] ‘Ездишь ты верхом на сине-сивом коне, летаешь среди синих облаков!’ [Образцы..., 1907б, с. 548].

В обращении-восхвалении покровительницы *ах сараат ызых* ‘соловых коней’ прославляется дева по имени Хуба (*Куба*). Поэтический текст отличается ее красочным описанием. Приведем пример:

*Тоғыс оолдың аразыңаң
Артың төрең хыс Куба!
Алтын ызырға сугунуп,
Ай алына чортқан улус!
Күмүс ызырға сугунуп,
күн алына чортхан улус!
Ах сараат мұндаттығың,
Сарыг хазыңнаң тайахтыг.*

[Образцы..., 1907а, с. 560].

Среди 9 юношей
Лучшей ты рождена, дева Хуба,
Надев золотые серьги,
ты отправилась с народом к луне.
Надев серебряные серьги,
ты отправилась с народом к солнцу!
Ездишь ты верхом на бело-соловом коне,
защищаешься тростью из желтой березы.

[Образцы..., 1907б, с. 555]

(перевод уточнен нами. – В. М.).

К покровителю *күрең ызых* ‘бурых коней’ обращаются со словами:

*Күмүс чүген сабыттыгың,
ай-хара мұндеттігің!
Четі чүг челбаглыгың,
тоғыс куйа толыглыгың!*

[Образцы..., 1907а, с. 559].

Сбруя твоя – серебряная узда,
ездишь ты верхом на лунно-вороном коне!
Обмахиваешься ты 7 перьями,
украшаешься 9 цветами!

[Образцы..., 1907б, с. 548]

(перевод уточнен нами. – В. М.).

В приведенных примерах прослеживается характерный признак *алгасов* – прямое обращение к горному духу.

Божествам приносились различные жертвы, чтобы умиловить их и чтобы божество, к которому непосредственно обращались, защитило «черные головы» (т.е. татар) и их детей от болезней и злых духов и оказывало покровительство выпасаемым стадам. Исполнитель произносит слова восхваления высокому покровителю *хара күрең ызых* ‘черно-бурых коней’, затем называется принесенная ему жертва:

*Ала хорым азахтыг,
Егір хорым
Хара тұлғу пөріктіг,
Хара хамнос хамчылыг!
Хызыл чібек хурлугың
Хызыл торға сабыттыг,
Ах хураган пустугаң,
Хара күрең мұндаттыг!*

[Образцы..., 1907а, с. 560].

Ноги твои ступают на белые хребты,
полы касаются извилистых гор!
Шапка у тебя из черной лисы,
кнут – из черной выдры!
Опоясываешься ты красным шелком,
обмахиваешься красным гарусом,
приносится тебе в жертву белый ягненок,
ездишь ты верхом на черно-буrom коне!

[Образцы..., 1907б, с. 555].

Записи обрядовой поэзии Н. Ф. Катанова обладают большой ценностью, так как они снабжены этнографическим описанием проводимых ритуалов и атрибутов, используемых в обрядах, текстовыми заклинаниями шаманов, обращенными к божествам и духам-хозяевам местностей. Обряды рассматривались в комплексе взаимодействия слова и действия, ритуала и вербального текста.

Коммуникативная функция

Благопожелания являются важным атрибутом коммуникации, жизненного и нравственного состояния человека. Основные функции заключаются в пожелании человеку здоровья, достатка, благополучия в обрядах, связанных с ребенком. *Алгасы* выступали в роли сообщения. Люди верят, что сказанное слово, хорошее или плохое, непременно сбудется. Это и является причиной того, что благопожелания активно бытуют и в наши дни. По идейно-художественному содержанию, тематическому составу они охватывают самые разные стороны жизни. Благопожелания произносили при почитании родных мест, при исполнении семейных обрядов. *Алгасы* сопровождают человека всю жизнь. На хакасских праздниках преобладают обряды жизненного цикла (рождение и имянаречение ребенка, свадебные обряды) уже в упрощенной форме.

Семья и дом находятся на вершине иерархии жизненных ценностей. Свадебное благословение произносили старики. Молодоженам желали счастливой жизни, крепкого здоровья, благополучия в доме, долголетия, много детей и скота. Приведем пример:

*Айга тутхан ибиң-тураң
Алтыннаң хурчал турзын!
Кўнге тутхан ибиң-тураң
Кўмўснең хурчал турзын!*

[Образцы..., 1907а, с. 263].

Пусть юрта твоя, освещаемая луною,
Опоясывается золотом!
Пусть юрта твоя, освещаемая солнцем,
Опоясывается серебром!

[Образцы..., 1907б, с. 235]
(перевод уточнен нами. – В. М.).

Также благопожелания имеют широкую сферу употребления, являются важной частью традиции хакасов. Перед отправлением в дальний путь в хакасской традиции принято желать *чолың азых ползын* ‘путь тебе да будет открытым’ и благополучного возвращения на родную землю. Например, в героическом эпосе «Ай-Хуучин» перед отправлением в дальний путь произносится благопожелание:

*Чирлиг чахсы кизи
Чирине нанзын!
Суглыг чахсы кизи
Сууна тараглазын!*

[Ай-Хуучин, 1997, с. 132].

Достойный человек, землю имеющий,
Пусть возвратится на свою землю!
Достойный человек, реку имеющий,
Пусть вернется к своей реке!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 133].

Алгас произносят в пути, на перевалах кропили вином горным духам: «Пусть впереди будет открытая дорога, пусть позади будет закрытый путь».

Благопожелания (*алгастар*) приурочиваются к знаменательному событию в жизни человека. Считалось, что высказанное вслух материализуется, поэтому любое важное событие в жизни человека сопровождалось самыми добрыми, искренними пожеланиями. Отсюда и возник такой жанр устного народного творчества как благопожелание.

Художественно-эстетическая функция

Благопожелания в контексте жанров хакасского фольклора имеют большое художественно-эстетическое значение. Обычаи и традиции хакасов отражены в героических сказаниях (*алыптыг ныхмахтар*), сказках (*ныхмахтар*), сказочной прозе (*кип-чоохтар*), песнях (*ырлар*) и в малых жанрах.

Поэтическая форма благопожеланий богата эпитетами, сравнениями, гиперболами, метафорами, формульными выражениями. Наиболее часто употребляются эпитеты *алтын* ‘золотой’, *кўмўс* ‘серебряный’, *пай* ‘богатый’. Например, *алтын пўрлиг* ‘с золотыми листьями’, *алтын ыстол* ‘стол золотой’, *ах кишти* ‘белая кошма’, *кўмўс тостыг* ‘с корою серебристою’, *кўмўс чўген* ‘серебряная узда’, *пай*

хазың ‘богатая береза’. В конце каждой строки применяется глагольная форма *ползын* ‘пусть будет’, которая носит семантику заклинания.

Благословение людям, отправляющимся в путь, сохранилось до наших дней. Традиционная эпическая формула пожелания и благословения человеку, отправляющемуся в дальний путь, встречается в героическом эпосе «Ай-Хуучин». Старшая сестра героини Хыс-Хан перед отправлением *алгап-сулгап турадыр* ‘благословляет, напутствует’ ее:

Аллаанда, аллын полын, иркем,
Алдагызы Сіредди ползын!
Чоллаанда чолыңар полын,
Чолдагызы Сіредди ползын!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 110].

Путь тебе да будет открытым, родной мой!
Будущее Ваше да будет Вашим!
Дорога Ваша да будет благополучной,
Дорога Ваша пусть будет Вашей!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 111].

Интересен пример из хакасской сказки «Милый Иркюлес» («Ирке төреен Иркүлес»). В варианте, записанном от сказителя М. К. Доброва в 1951 г., повествуется о том, как герой сказки, сын конюха, становится ханом. Благодаря главному герою Милому Иркюлесу люди, превращенные в деревья, оживают. В благодарность люди молятся великому Худаю, а главному герою желают долголетия и здоровья: *Хачан даа чазың узах ползын, чарның хойыг ползын* ‘Пусть твои годы долгими будут, пусть твои плечи крепкими будут!’² [ХНС, 2014, с. 226–227]. В мифе «О жаворонке-птичке» («Торгайах хусхаҷахтаңар»), записанном Н. В. Амзараковым в 1946 г. у сагайцев, встречается эпическая формула пожелания и благословения человеку: *Хачан даа полза, улуг хам пол! Чазың узах ползын, чайаанын пөзик ползын!*³ ‘Всегда будь великим шаманом! Пусть года твои будут долгими, пусть судьба твоя будет благосклонной!’ [НПХ, 2016 с. 134–135]. Данная эпическая формула также встречается в хакасских и шорских героических сказаниях.

Ёмкие по содержанию, но лаконичные по форме благопожелания, стилистически и поэтически точенные, обогащают язык фольклорных произведений, делают его образным и выразительным.

Выводы

Таким образом, в обрядовой поэзии хакасов рассмотрены основные функции *алгасов*: обрядовая, коммуникативная, художественно-эстетическая. Обрядовая функция заключается в том, что *алгасы*, являются неотъемлемой частью обрядов и шаманских камланий, отражают специфику материальной и духовной культуры хакасов. В них содержатся призывы и просьбы о помощи и содействии, благословения, напутствия. Коммуникативная функция проявляется в установлении контактов между акторами, символическом формировании счастливого будущего, призывании счастья, в *алгасах* отражаются характерные ценностные ориентиры (семья, дом). Художественно-эстетическая функция заключается в обогащении поэтического языка *алгасов* средствами художественной выразительности (эпитеты, метафоры, сравнения) и синтаксических средств (аллитерация, параллелизм), яркой образной характеристикой персонажей. *Алгасы* встраиваются практически во все жанры хакасского фольклора и занимают определенную позицию в структуре повествования.

Список литературы

Ай-Хуучин – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2001. 148 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. 254 с.

² Букв. «пусть твой возраст долгим будет, твоя лопатка густой будет» [ХНС, 2014, с. 633].

³ Текст на хакасском языке записан по нормам старой орфографии.

Катанов Н. Ф. Шаманские песнопения сибирских тюрков: записи 1878–1892 годов / Поэт. переводы А. Преловского; вступ. ст., науч. ред. хак. текстов, комментариев В. Я. Бутанаева. М.: Лит-Экспресс, 1996. 192 с. (Духовное наследие народов Сибири).

Кулумаева С. К. Материалы Н. Ф. Катанова по свадебному обряду хакасов // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: Материалы Междунар. науч. конф. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. С. 182–185.

Кулумаева С. К. Традиционный «пир волос» (*сас тойы*) у субэтносос хакасов по материалам Н. Ф. Катанова // Возвращение наследия Н. Ф. Катанова на родину: материалы научно-практической конференции. Москва: Новый ключ, 2003. С. 56–60.

Майногашева В. Е. Хакаские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2000. 104 с.

Майногашева В. Е. Хакасская народная детская поэзия = Хакас чоннын палалар поэзиязы. Абакан: Диалог Сибирь, 2009. 100 с.

Миндибекова В. В. Обрядовая поэзия в материалах Н. Ф. Катанова (к 160-летию со дня рождения) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 42–52.

Миндибекова В. В. Обрядовая поэзия хакасов: собрание и изучение // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2021. № 1 (37). С. 42–47.

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к LXXIII-му тому Записок Императорской Академии наук. № 8. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. 114 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Тексты. 668 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Переводы. 658 с.

Скворцова Н. М., Жимулева Е. И., Миндибекова В. В. Современное бытование фольклорных традиций у хакасов-кызыльцев // Народная культура Сибири. Материалы XIV науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Академия, 2005. С. 37–40.

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик) / Сост. Е. С. Торокова. Абакан: Журналист, 2018. 496 с.

Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакаское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1972. 311 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ХНС – Хакаские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 33).

Хакасский фольклор / Сост. П. А. Трояков. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2022. 2-е изд., испр. 256 с.

Чаптыкова Ю. И. Роль благопожеланий в сюжетной канве героического эпоса «Ах хан на белобуланом коне» // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 5 (72). С. 561–563.

Чаптыкова Ю. И., Челтыгмашева Л. В. Культ огня у современных хакасов (по материалам фольклорных экспедиций 2016, 2018 гг.) // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 1 (74). С. 488–491.

References

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakas-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan, Khakassia, 1999, 240 p. (In Khakass, in Russ.).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor* [Khakass historical folklore]. Abakan, Khakas State University Publ., 2001, 148 p. (In Russ.).

Butanaev V. Ya. *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan, Izd-vo Khakas. gos. un-ta, 2006. 254 p. (In Russ.).

Chaptykova Yu. I., Cheltygmasheva L. V. Kul't ognya u sovremennykh khakasov (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy 2016, 2018 gg.) [The cult of fire among modern Khakas (based on the materials of folklore expeditions in 2016, 2018)]. *The world of science, culture and education*. 2019, no. 1 (74), pp. 488–491. (In Russ.).

Chaptykova Yu. I. Rol' blagopozhelaniy v syuzhetnoy kanve geroicheskogo eposa “Akh khan na belobulanom kone” [The role of the good wish in the plot of heroic epos “Ah Khan on the light-buckskin horse”]. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 5 (72), pp. 561–563. (In Russ.).

Hakas-orys söstik [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass, in Russ.).

Katanov N. F. *Shamanskije pesnopeniya sibirskikh tyurkov: zapisi 1878–1892 godov* [Shamanic Chants of the Siberian Turks: records of 1878–1892]. A. Prelovskiy (Poet. transl.), V. Ya. Butanaev (pref. art., sci. ed. of Khak. texts, comm.). Moscow, Lit-Ekspress, 1996, 192 p. (Dukhovnoe nasledie narodov Sibiri [Spiritual heritage of the peoples of Siberia]). (In Khakass, in Russ.).

Khakasskiy fol'klor. P. A. Troyakov (Comp.). 2nd ed. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2022, 256 p. (In Khakass, in Russ.).

Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin [Khakass Heroic Epic: Ai-Huuchin], V.E. Maynogasheva (Comps). Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predpriyatie RAN, 1997, 479 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 16). (In Khakass, in Russ.).

Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk Tales]. E. S. Torokova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Omega Print, 2014, 770 p.; (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 33). (In Khakass, in Russ.).

Kulumaeva S. K. Materialy N. F. Katanova po svadebnomu obryadu khakasov [Materials of N. F. Katanov on the Khakass wedding ceremony]. In: *Nauchnoe nasledie N. F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf.* [Scientific heritage of N. F. Katanov and modern oriental studies: Proc. of the Intern. sci. conf.]. Abakan, Khakas State University Publ., 2003, pp. 182–185. (In Russ.).

Kulumaeva S. K. Traditsionnyy “pir volos” (sas toy) u subetnosov khakasov po materialam N. F. Katanova [Traditional “feast of hair” (sas toy) among the Khakass subethnoses based on the materials of N. F. Katanov]. In: *Vozvrashchenie naslediya N. F. Katanova na roдинu: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [The return of N. F. Katanov's legacy to his homeland: Proc. of the sci.-pract. conf.]. Moscow, 2003, pp. 56–60. (In Russ.).

Maynogasheva V. E. *Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora* [Khakass storytellers and singers. Essays, essays about some masters of folklore]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2000. 104 p. (In Khakass, in Russ.).

Maynogasheva V. E. *Khakas chonnyn palalar poeziyazy* [Khakass folk children's poetry]. Abakan, Dialog Sibir', 2009, 100 p. (In Khakass, in Russ.).

Mindibekova V. V. Obryadovaya poeziya v materialakh N.F. Katanova (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ritual poetry of the khakass in the materials of N. F. Katanov (to the 160th anniversary of his birth)]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 2, pp. 42–52. (In Russ.).

Mindibekova V. V. Obryadovaya poeziya khakasov: sobiranie i izuchenie [Ritual poetry of the Khakas: collecting and studying]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*. 2021, no. 1 (37), pp. 42–47. (In Russ.).

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale prose of Khakasses]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 34). (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR Publ., 1907a, vol. 9: [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts], 668 p. (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR Publ., 1907b, vol. 9: [Dialects of

Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N.F. Katanov: [Translations], 659 p. (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi [Samples of folk literature of Turkic tribes, living in Southern Siberia and the Dzungarian plain]. Collected by V. V. Radlov. Part II. Abakan sub-dialects (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (Kuerik). E. S. Torokova (Comp.). Abakan, Journalist, 2018, 496 p. (In Khakass, in Russ.).

Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. In: *Prilozhenie k 73-mu tomu Zapisok Imper. Akademii nauk* [Appendix to the 73rd volume of Notes of the Imperial. Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1893, no. 8, 114 p. (In Russ.).

Skvortsova N. M., Zhimuleva E. I., Mindibekova V. V. Sovremennoe bytovanie fol'klornykh traditsiy u khakasov-kyzyl'tsev [The modern existence of folklore traditions among the Khakass-Kyzyl people]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri. Materialy 14 nauchnogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia. Proceedings. of the 14 sci. seminar of the Siberian regional college center for folklore]. Omsk, Akademiya, 2005, pp. 37–40 (In Russ.).

Ungvitskaya M.A., Maynogasheva V.E. *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetic creativity]. Abakan, Khakasskoe otd. Krasnoyarskogo knizh. izdat-va, 1972, 311 p. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2022

Сведения об авторе

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

Information about the Author

Valentina V. Mindibekova – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 1 (выпуск 45)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Дорожка кандыков»

Раздел «Лингвистика»:
редактор *Е. В. Тунтешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:
редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2312-6337

